

Библейско-богословская коллекция
Патрологическая серия

Круглов А.В.

ВСЕЛЕНСКИЕ УЧИТЕЛИ

Часть I

ВАСИЛИЙ ВЕЛИКИЙ

© Сканирование и создание электронного варианта:
издательство «Аксион эстин» (www.axion.org.ru), 2009

Аксион эстин
Санкт-Петербург
2009

Для школьнаго и семейнаго чтенія.

ВСЕЛЕНСКІЕ УЧИТЕЛИ.

I.

ВАСИЛІЙ ВЕЛИКІЙ.

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И ДѢЯТЕЛЬНОСТИ.

Составилъ **А. В. Кругловъ.**

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ.

Учен. Ком. Мин. Нар. Просв. одобрено (во 2-мъ изданіи) для ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ. (Журн. Мин. Нар. Просв. 1903 г., декабрь.)

МОСКВА.—1912.

Издатель **В. С. Спиридоновъ.**

Мохраня, уг. Тверской, д. Варваринск. Акц. О ва.

Телефонъ № 120-95.

И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.

Москва. - 1912.

I.

„Св. Василій былъ истинно-евангельскій епископъ: отецъ народу, другъ бѣднымъ и бѣдствующимъ, въ вѣрѣ непреклонный, въ благотвореніи нестоющий“.

О «Великомъ изъ великихъ» учителей православной Церкви хочу говорить я, — именно о томъ, кто «всѣхъ святыхъ собралъ въ себѣ добродѣтели: Моисееву кротость, Иліину ревность, Петрово исповѣданіе, Іоанново богословіе» *). Я хочу говорить о томъ, къ кому Ефремъ Сиринъ голосомъ съ неба былъ посланъ для «питанія духовнаго». Ефремъ Сиринъ услышалъ голосъ, вѣщавшій ему: «Встань, Ефремъ, и иди питаться мыслями». «Гдѣ же я найду ихъ, Господи?» спросилъ онъ. «Иди въ домъ Мой, и тамъ ты найдешь царственный сосудъ, полный превосходнаго питанія». — «И я видѣлъ его», рассказываетъ Ефремъ Сиринъ: «видѣлъ этотъ сосудъ избранный стоящимъ предъ лицомъ всей своей паствы, украшеннымъ и обогащеннымъ словами, столь же величественными, какъ драгоценные камни».

О комъ же здѣсь говоритъ Ефремъ Сиринъ? Онъ говоритъ о Василіи Великомъ, о томъ знаменитомъ архіепископѣ Кесаріи, котораго «одна улыбка была похвалою, а молчаніе укоризною». Вся его внѣшность: осанка, блѣдное изможденное лицо, глубокій взглядъ, спокойная важность тѣлодвиженій возбуждала во всѣхъ чувство благоговѣнія. Вся жизнь его была какъ бы выполненіемъ апостольской заповѣди: «радоваться съ радующимися, плакать съ плачущими».

*) Служба св. Василію I явв. Стихиря на стиховѣ.

Его милосердіе простиралось на всѣхъ: на христіанъ, на іудеевъ и язычниковъ. Онъ говорилъ: «всѣ имѣютъ право на нашу жалость и смотрять на руки наши, какъ мы на руки Божьи, когда мы чего просимъ».

Питая голодныхъ хлѣбомъ, онъ питалъ словомъ проповѣдническимъ и тѣхъ, которые алкали духовной пищи. Толпами стекались слушатели, чтобы «напитаться мыслями». Любя природу, обладая живымъ воображеніемъ, онъ рисовалъ слушателямъ величественныя картины природы, описывалъ чудеса міроздаія; возбуждая въ слушателяхъ благоговѣніе къ Создателю, онъ заставлялъ ихъ въ умиленномъ восторгѣ преклоняться предъ благостью и всемогуществомъ Творца вселенной.

Таковъ Василій Великій!

Но чтобы понять его значеніе въ исторіи Церкви, значеніе его трудовъ и учительства, чтобы постичь всю духовную красоту его личности, надо подробнѣе ознакомиться съ его жизнью и дѣятельностью. Это будетъ не только знаніемъ, обогащающимъ умъ, но и свѣтомъ, просвѣщающимъ сердце, тепломъ, согрѣвающимъ душу.

II.

Василій Великій происходитъ изъ рода, славнаго не только гражданскими доблестями, но и высокими христіанскими добродѣтелями. Слава исповѣдничества и мученичества озаряла многихъ изъ предковъ великаго свитателя *). Дѣдъ его со стороны матери, во время ужас-

*) Исповѣдниками назывались тѣ, которые переносили мученія и гоненія за вѣру Христову, но не были казнены и замучены до смерти. Они пользовались большимъ вліяніемъ и назывались, напр., Кширіаномъ карфагенскимъ „самыми доблестными братьями“. Изъ нихъ часто подвизались ряды духовенства. Нулидикъ пресвитеръ, полусожженный и опеломленный камнями, былъ оставленъ на мѣстѣ казни въ качествѣ мертвого, но возвращенъ къ жизни дочерью, пришедшею для погребенія. На Никейскомъ соборѣ исповѣдникъ Павелъ неокесарійскій поднималъ для благословенія руку, сожженную огнемъ, и на этомъ же соборѣ былъ епископъ Пафиутій, который волочилъ ногу, потому что жилы у нея были подрѣзаны во время Диоклитіанова гоненія.

ныхъ гоненій на христіанъ. лишился всего имущества и принять смерть за вѣру. Дѣдъ по отцу и бабка Макрина, во время гоненія Галерія и Максимина, принуждены были скрываться въ лѣсахъ. Эту скитальческую жизнь, полную лишеній и опасностей, они вели въ теченіе семи лѣтъ. Избѣжавъ смерти, они потеряли все имущество, которое было взято въ императорскую казну.

Родители Василия Великаго отличались глубокой преданностью Церкви. Отецъ, котораго звали также Василиемъ, былъ родомъ изъ Понта и считался однимъ изъ лучшихъ учителей риторики въ цезаріейской школѣ *). Въ своихъ служебныхъ занятіяхъ онъ отдавался дѣламъ благотворенія, щедро удѣляя бѣднымъ изъ того, что онъ получалъ со своихъ имѣній.

Онъ женился на прекрасной собой каппадокійкѣ Еммелии. Ея руки искали многіе, но она предпочла вѣсть учителя риторики за тѣ нравственныя достоинства, которыми онъ выдавался среди другихъ. Добрая сердцемъ, готовая жертвовать вѣсть на благо обездоленныхъ, она могла только укрѣплять мужа въ его добрыхъ дѣлахъ, а не мѣшать ему идти путемъ добродѣтели. Такъ оно и было. Молодые супруги кормили бѣдныхъ, утѣшали скорбящихъ, помогали немощнымъ. И Божіе благословеніе пошло на домъ любвеобильныхъ и благочестивыхъ супруговъ. Изъ четырехъ сыновей три впоследствии стали епископами (Василій, Петръ и Григорій), а изъ дочерей двѣ— Макрина и Осозевія (дьяконисса)— вмѣстѣ съ матерью причислены Церковью къ лику святыхъ. Говоря объ Еммелии, матери Василия, св. Григорій Богословъ восклицаетъ: «Она подарила міру столько и такихъ свѣтильниковъ, сыновей и дочерей: три славныхъ священника, одна участница въ тайнахъ священства **) и прочіе --ликъ небожителей. Изумляюсь, какая это богатая семья Еммелии! Благочестивая кровь Еммелии -- собственность Христа: таковъ корень!

*) Риторика учитъ облекать мысли въ красивую форму, т. е. паучаетъ краснорѣчію.

**) Какъ дьяконисса, Осозевія была дѣйствующимъ лицомъ при крещеніи женщинъ и созерцала совершеніе таинства евхаристіи, что недоступно было и мужчинамъ изъ мірянъ.

Превосходнѣйшая! вотъ награда твоему благочестію: слава сыновей твоихъ, съ которыми у тебя одни желанія».

Василій Великій былъ старшимъ изъ братьевъ и родился около 330 года въ Кесаріи, главномъ городѣ Каппадокіи. Нельзя обойти молчаніемъ знаменательнаго событія изъ его младенческой жизни. Онъ опасно заболѣлъ. Огорченный отецъ просилъ Бога въ горячей молитвѣ сохранить ему сына, не предугадывая, что онъ просить вмѣстѣ съ этимъ сохранить и Церкви вселенской ея Свѣтильника и Учителя. И вотъ, въ сновидѣніи является отцу Христосъ и говоритъ: «Иди! твой сынъ живъ!» Дѣйствительно, мальчикъ быстро оправился отъ опаснаго недуга.

Раннее дѣтство Василій провелъ въ домѣ бабки Макрины, жившей въ Аннисахъ, въ Понтѣ.

Макрина была «жена дивная по уму и высокому благочестію». Она была ученицей Григорія Чудотворца, твердо помнила его уроки и, пройдя черезъ горнило гоненія, могла служить образцомъ для каждой христіанки. Въ ней нашла себѣ наставницу молодая невѣстка Еммелія, и она же служила лучшимъ примѣромъ благочестія для внука. Живя у бабки въ сельскомъ уединеніи, будущій святитель воспитывался въ строгомъ православіи, проникаясь богоговѣніемъ къ памяти св. Григорія Чудотворца, который «подобно звѣздѣ сіялъ на епископскомъ престолѣ». Воспитанный и словомъ и живымъ примѣромъ въ любви къ Богу, вернулся Василій къ родителямъ, которые жили уже въ Неокесаріи.

Теперь дальнѣйшимъ образованіемъ его занялись родители. Отецъ обучалъ отрока грамматикѣ, а мать продолжала дѣло, начатое бабкой Макриной. Она знакомила его съ священнымъ писаніемъ, выбирая все то, что было доступно его пониманію и служило къ образованію души и сердца. А бесѣдами и молитвами она укрѣпляла въ ребенкѣ горячую любовь къ Богу и желаніе служить Ему.

Василій былъ одаренъ отъ природы богатыми способностями, что ясно обнаружилось при изученіи наукъ подъ руководствомъ отца.

III.

Христіанство не отрицаетъ науки.

Отець Василія, будучи вѣрнымъ христіаншномъ, признавалъ пользу «науки человѣческой». И самъ Василій въ послѣдствіи доказывалъ, что и христіанину можно извлечь изъ сочиненій языческихъ писателей уроки доброй нравственности. Въ своемъ «Наставленіи юношамъ, какъ пользоваться языческими книгами», онъ писалъ слѣдующее: «И съ стихотворцами, и съ повѣствователями, и вѣтими, и со всѣми людьми бесѣдовать намъ слѣдуетъ, откуда можетъ быть какая-либо польза для насъ. Ибо повѣствуютъ, что и Моисей, чье имя славно, первѣе науками египетскими просвѣтилъ разумъ, и потомъ приступилъ къ созерцанію Суцгао. И Даніилъ премудрости халдейской научился, и потомъ божественныхъ наукъ коснулся. Сказать коротко: полезно, а не вредно душамъ ученіе». Сравнивая изученіе христіанскихъ истинъ съ человѣческимъ знаніемъ, Василій Великій въ томъ же наставленіи образно поясняетъ: «дерева плодоваго собственная доброта состоитъ въ томъ, чтобы плодомъ быть уснаннымъ, но придаютъ дереву украшеніе и листья; такъ, плодъ души есть истина (христіанская), однако не неприлично ей и во виѣшнюю премудрость облечься, какъ бы въ листья, которые плоду даютъ покрывало и видъ пріятный».

Въ этомъ же духѣ разсуждалъ и Григорій Богословъ, по словамъ котораго, «всякій имѣющій умъ признаетъ благимъ ученость, и не только христіанскую, имѣющую въ виду спасеніе, но и ученость виѣшнюю, которою многіе, по ложному разумѣнію, гнушаются, какъ опасною и удаляющею отъ Бога». Но они ошибаются. Можно изучать стройное теченіе небесныхъ тѣлъ и благоговѣть предъ Творцомъ. Истинное знаніе не приводитъ къ невѣрію, а укрѣпляетъ въ человѣкѣ вѣру. Это видно изъ сочиненій тѣхъ ученыхъ, которыми гордится земная наука. Астрономъ Ватсонъ говоритъ: «Изученіе звѣздаго неба возбуждаетъ и укрѣпляетъ въ насъ удивленіе къ безконечному совершенству Всемогущаго». Карлъ Фогтъ въ своей книгѣ

«Естественная исторія мірозданія» восклицаетъ: «Только Божество могло задумать и выполнить это; человѣку же приходится только размышлять и изслѣдовать. И черезъ это мы приближаемся прямымъ путемъ къ нашему Отцу, соприисутствуемъ Ему на Его совѣтѣ». Линней, закончивъ свои многолѣтнія наблюденія надъ организаціей растений, воскликнулъ: «Вѣчный, безпредѣльный, всевѣдущій и всемогущій Богъ прошелъ мимо меня. Я не видѣлъ Его лицомъ къ лицу, но отблескъ Божества наполнилъ мою душу удивленіемъ. Я видѣлъ слѣды Божій въ Его твореніяхъ; вездѣ въ самыхъ мелкихъ, незамѣтныхъ Его произведеніяхъ— что за сила, что за мудрость!» Кеплеръ свой трудъ «Гармонія міра» заключаетъ прямо гимномъ Творцу: О Ты Который чрезъ свѣтъ природы побудилъ насъ желать Свѣта Твоего Милосердія, чтобы открыть намъ Свѣтъ Твоей Правды: благодарю Тебя, Богъ мой, за то, что дозволяешь мнѣ удивляться Твоимъ твореніямъ и любить ихъ! Славьте Господа, о небесныя гармоніи, и вы, постигшіе земную гармонію, славьте Его!»

Не наука опасна, не знаніе, а полужнаніе. Только навхватавшіеся клочковъ знанія, тщеславныя невѣжды воображаютъ, что невѣріе—первый признакъ учености. Превосходно сказала Бэконъ веруламскій: «наука, если ее коснуться концами губъ, удаляетъ отъ Бога; но если пить ее большими глотками, то она снова приближаетъ насъ къ Богу».

Убѣдившись въ выдающихся способностяхъ Василія, отецъ рѣшилъ дать ему всестороннее образованіе, для чего и отправилъ юношу въ Кесарію, которая считалась однимъ изъ цвѣтущихъ центровъ греко-римской образованности. Въ древности Кесарія носила названіе Мазака и была резиденціей кашпадокійскихъ царей. Возстановленная изъ развалинъ, она и теперь была величественнымъ городомъ; число жителей ея простиралось до 400 тысячъ.

Отправляя сына къ языческимъ учителямъ, Емелія съ мужемъ не чувствовали никакой тревоги въ сердцѣ. Вліяніе языческихъ наставниковъ могло отозваться вредно на юношѣ съ умомъ колеблющимся, на юношѣ не твердомъ въ вѣрѣ. Но Василій былъ не такимъ. И уроки бабки и до-

машнее воспитаніе, подкрѣпляемое благотворнымъ примѣромъ, дѣлали для юноши неопасными языческую среду и взгляды языческихъ учителей на жизнь. Василій отправлялся въ Кесарію, унося въ душѣ тотъ свѣтлый слѣдъ, который не могъ изгладиться отъ посторонняго вліянія. Уже и въ эти юные годы онъ видѣлъ истину и красоту тамъ же, гдѣ видѣли ихъ и его родители. Говоря о сочиненіяхъ языческихъ писателей, Василій Великій въ послѣдствіи писалъ: «не ко всѣмъ равное вниманіе оказывать слѣдуетъ; когда добро они повѣствуютъ—вниманіе и мужамъ добра подражайте, а когда недостойнаго коснутся—надлежитъ бѣжать и затыкать уши». Такъ относиться къ книгамъ и рѣчамъ людей, конечно, научили и Василія его родители, прежде чѣмъ отпустить его изъ дома, и потому они знали, что, заимствуя отъ людей науки полезное, онъ останется вѣрнымъ Церкви, къ которой еще принадлежалъ только въ качествѣ оглашеннаго. Этому обстоятельству нечего удивляться. Въ то время было въ обычаѣ подолгу оставаться некрещеными; многіе (въ томъ числѣ и Константинъ Великій) крестились только предъ смертью. Такъ поступали изъ боязни впасть въ тяжкій грѣхъ послѣ крещенія.

Въ Кесаріи Василій скоро приобрѣлъ любовь среди наставниковъ, уваженіе среди товарищей и благосклонность епископа Діанія. Здѣсь же онъ встрѣтился и подружился со своимъ землякомъ Григоріемъ, въ послѣдствіи епископомъ назіанскимъ, получившимъ высокое наименованіе Богослова. И вотъ что говоритъ Григорій Богословъ о своемъ другѣ Василіи, блестящія способности котораго уже ярко обозначались во время ученія въ Кесаріи. «Пусть расскажутъ тѣ, которые воспитывали Василія среди себя, расскажутъ о всемъ, чѣмъ онъ былъ для учителей, о всемъ, чѣмъ онъ былъ для сотоварищей, соперничая съ первыми, превосходя послѣднихъ во всѣхъ вѣтвяхъ образованія; какъ много славы приобрѣлъ онъ для себя, среди всѣхъ, въ короткій промежутокъ времени, и между народомъ и между знатными, обнаруживая познанія, далеко превосходившія его возрастъ, и выдавая степень и постоянство характера».

Изъ Кесаріи Василій отправился въ Константинополь,

слушать тамъ лучшихъ учителей краснорѣчія и философіи и былъ отмѣченъ за свои блестящія дарованія языческимъ ученымъ Ливаніемъ.

Однако и Константинополь не вполне удовлетворилъ Василія, и онъ, для довершенія своего научнаго образованія, поѣхалъ въ Аѳины.

IV.

Каждога новичка, вступающаго въ среду аѳинскихъ студентовъ, ожидало «посвященіе», хотя и шутовское, но довольно неприятное для того, кто неожиданно ему подвергался. Посвященіе это называлось «баней».

Новичка студенты встрѣчали на пристани и сразу же овладѣвали имъ или съ его согласія, или насильно. «Прежде всего его гостепріимно принимали въ домъ тѣхъ, кто раньше другихъ завладѣвалъ имъ. Затѣмъ его подвергали насмѣшкамъ и издѣвательствамъ. Цѣлью такого издѣательства было вытравить всякое высокомеріе въ новичкахъ и съ самаго начала подчинить ихъ товарищескому авторитету. Издѣвательство это было болѣе или менѣе дерзкимъ или остроумнымъ, смотря по грубости или утонченности юноши. Затѣмъ новичка подъ кошвоемъ студентовъ вели въ баню. Процессія совершалась слѣдующимъ образомъ: студенты, которые должны были посвящать новичка, строились въ линію по два въ рядъ, на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Между ними и шель новичокъ. Когда подходили къ банѣ, то студенты начинали прыгать и кричать, какъ будто бы находясь въ изступленіи; они кричали, что нельзя идти дальше, надо остановиться, потому что баня не выститъ ихъ. Въ то же время они колотили въ двери и кричали: «стой! стой!» и толкали его при этомъ. Наконецъ они позволяли ему войти и затѣмъ предоставляли ему свободу. После такой бани они принимали уже его какъ своего сочлена. Онъ платилъ извѣстную сумму, и ему позволялось носить особый плащъ.

Для серьезнаго и степеннаго Василія была бы крайне неприятна подобная шутовская сцена. Григорій Богословъ

уже слушалъ въ это время лекціи въ аѳинскомъ «университетѣ». Зная хорошо характеръ своего друга и любя его, Григорій, отличавшійся мягкостью, всегда охотно подчинившійся еще въ Кесаріи авторитету Василія, рѣшилъ избавить его отъ непріятнаго «посвященія». Онъ обратился съ просьбой къ товарищамъ установившійся обычай нарушить по отношенію къ Василію, являвшемуся въ Аѳины уже въ качествѣ человѣка, окруженнаго до нѣкоторой степени славой учености. Просьба Григорія была уважена, и Василій избѣжалъ «посвященія». Но среди студентовъ нашлись и такіе, которые завидовали извѣстности Василія и рѣшились посрамить его. Въ то время слушатели аѳинскихъ школъ дѣлились на клубы по національностямъ, и вотъ армяне, не любившіе каппадокійцевъ и, быть можетъ, раздраженные тѣмъ почетомъ, съ какимъ былъ встрѣченъ Василій большинствомъ студентовъ, пришли къ нему и втянули его въ споръ, къ которому заранѣе приготовились. Они были увѣрены въ своей побѣдѣ. Но Василій началъ разбивать ихъ. Тогда Григорій, не подозревавшій злого умысла армянъ, великодушно принялъ ихъ сторону «съ той цѣлью, чтобы слава аѳинской диалектики не понесла ущерба отъ рѣшительной побѣды повопришельца». Тогда этотъ послѣдній, советѣмъ не подготовленный къ спору, сталъ ослабѣвать въ доказательствахъ, и побѣда начала клониться въ пользу армянъ. Теперь Григорій пришелъ на выручку друга, не желая его пораженія, и споръ кончился побѣдой Василія, который разбилъ противниковъ. Послѣ этой второй услуги (первая та, что Григорій избавилъ Василія отъ «посвященія») дружба между земляками изъ искры превратилась въ «горящій пламень». Они поселились подъ одной кровлей, раздѣляли одну трапезу и составляли какъ бы одну душу и одно сердце.

На первыхъ порахъ Аѳины не понравились Василію, какъ городъ, «наполненный идолами» и «проникнутый язычествомъ». Кромѣ того учителя аѳинскіе хотя и отличались ученостью, но невольно отталкивали своимъ корыстолюбіемъ, надменнымъ тщеславіемъ. Григорій старался смягчить въ другѣ это невыгодное впечатлѣніе и обратить его вниманіе на лучшія стороны аѳинской жизни. Къ Василію

скоро вернулось его хорошее настроеніе, и онъ съ ревностью принялся за изученіе наукъ. Что и какъ изучалъ онъ—прекрасно и подробно разсказалъ намъ Григорій Богословъ. Вспоминая годы ученія Василія въ Аѣинахъ, Григорій Богословъ говоритъ: «Какого рода наукъ не изучилъ онъ? Онъ изучилъ все такъ, какъ другой не изучаетъ одного предмета. Кто сравнится съ нимъ въ риторствѣ, дышанцемъ силою огня? Кто, подобно ему, приводитъ въ надлежащія правила грамматику, изучаетъ исторію, владѣеть мѣрами стиха, даетъ законы и правила стихотворству? Кто былъ такъ силенъ въ философіи, логикѣ и діалектикѣ? Изъ астрономіи же, геометріи и науки объ отношеніи чиселъ изучилъ столько, чтобы искусные въ этомъ не могли приводить его въ замѣшательство. Врачебную науку (т.-е. медицину) сдѣлали для него необходимою собственныя тѣлесныя недуги и хожденіе за больными; начавъ съ послѣдняго, онъ дошелъ до навыка въ искусствѣ врачеванія».

Занятые науками, друзья избѣгали всякихъ удовольствій, пирушекъ и посѣщали только товарищей серьезныхъ и добродѣтельныхъ. Но, работая прилежно, соблюдая правила вѣры христіанской, они не избѣгали того прекраснаго, что обрѣтали въ мірѣ языческомъ. «Мы не должны,—говоритъ Григорій,—презирать небеса, и землю, и воздухъ, потому что нѣкоторые, по заблужденію, сдѣлали ихъ предметомъ боготворенія, но, наслаждаясь всѣмъ, что есть прекраснаго, мы должны постигать Творца изъ сотвореннаго Имъ».

Такъ смотрѣлъ и Василій, дружба котораго къ Григорію проистекала изъ самаго святаго источника. И соединенные тѣсными узами дружбы, молодые студенты въ языческомъ городѣ «жили для Бога». Они во всемъ городѣ знали только двѣ улицы: одну—въ училище, другую—въ храмъ Божій, гдѣ слушали христіанскія наставленія, не имѣя еще права участвовать въ таинствахъ, такъ какъ оба были некрещеными.

V.

Въ одно время съ Василіемъ былъ въ Аѣинахъ и Юліанъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Отступника.

Юліанъ, племянникъ Константина Великаго, сынъ стародного брата Юлія Констанція, родился въ 331 г. Послѣ смерти Константина его сыновья раздѣлили между собою управленіе имперіею, и ближайшіе родственники императорской фамиліи были умерщвлены. Въ этой рѣзкѣ, вмѣстѣ съ другими, погибъ и отецъ Юліана. Юліанъ спасся благодаря своему дѣтскому возрасту. Императоръ Констанцій, сохранившій жизнь Юліану и его брату Галлу, держалъ ихъ подѣ строгимъ присмотромъ, и рѣшилъ дать имъ такое воспитаніе, чтобы приготовить ихъ не для трона и государственной дѣятельности, а сдѣлать изъ нихъ духовныхъ лицъ. Религіозное образованіе было поставлено на первый планъ въ дѣлѣ воспитанія. Но такъ какъ Констанцій былъ аріанинъ *), то и Юліанъ съ братомъ были окружены наставниками изъ аріанскаго духовенства. Приучая Юліана къ вѣншему исполненію обрядовъ, наставники не дали ему вѣрнаго и правильнаго понятія о христіанствѣ, и Христосъ никогда не былъ понятенъ ему во всемъ своемъ величій и славѣ; не проникнувшею животою христіанскаго ученія, видя вокругъ себя дурной примѣръ изъ жизни аріанъ, онъ составилъ превратное представленіе о христіанствѣ и не сочувствовалъ ему. Впослѣдствіи это пренебреженіе перенло въ презрѣніе и даже ненависть. Оставаясь наружно христіаниномъ, Юліанъ душою былъ язычникъ, и древній міръ, его жизнь представлялись ему тѣмъ прекраснымъ, чтѣ надо возстановить, уничтоживъ христіанство. Благодаря влиянію языческой партіи, дѣйствовавшей искусно, а также просьбамъ императрицы, Констанцій согласился отпустить Юліана въ Аѳины для образованія и для ознакомленія съ Греціей и ея школами. Явившись въ Аѳины, Юліанъ продолжалъ

*) Въ царствованіе Константина Великаго появилась впервые аріанская ересь. Пресвитеръ Аріій сталъ утверждать, что Іисусъ Христосъ не единосущенъ съ Богомъ Отцомъ, не безначаленъ, а сотворенъ Богомъ Отцомъ, и слѣдовательно было время, когда Его не было. Такимъ образомъ это дерзкое и богохульное ученіе назвало Господа Іисуса Христа до степени сотвореннаго существа. Аріій умеръ ужасною смертью: у него внезапно лопнуло чрево, и Аріія нашли плавающимъ въ крови, съ вывалившимися внутренностями.

паружно оставаться христіаниномъ и вмѣстѣ съ Василіемъ изучать не только греческихъ писателей, но и св. писаніе. Но цѣль изученія наукъ у того и другого была различна. Василіи Великій, равно какъ и Григорій Богословъ, искали научной мудрости для того, чтобы она дала имъ силу бороться съ язычествомъ его же оружіемъ, а Юліанъ изучалъ риторику, философію съ цѣлью, чтобы при помощи ихъ вести борьбу съ «галилеянами», какъ онъ называлъ обыкновенно христіанъ. Юліану Аѣны казались такимъ чуднымъ городомъ, что въ немъ онъ желалъ бы «жить и умереть». Онъ правились ему именно своимъ языческимъ характеромъ, тогда какъ Василію Великому этой именно стороной Аѣны и были непріятны. Впрочемъ, и онъ не безъ грусти покидалъ городъ, гдѣ провелъ около пяти лѣтъ, испыталъ столько пріятнаго отъ дружбы съ Григоріемъ, имѣлъ вообще друзей не мало среди товарищей и пользовался ихъ уваженіемъ. Но, несмотря на это, Василій Великій на просьбу студентовъ остаться еще на нѣкоторое время въ Аѣнахъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Слабый тѣломъ, онъ отличался огромной силой воли, и уговоры товарищей не могли поколебать его намѣренія возвратиться на родину. Григорій Богословъ остался еще въ Аѣнахъ. Со слезами на глазахъ и съ грустью въ сердцѣ обнялъ Василій Великій своего друга, который занялъ кафедру краснорѣчія въ аѣнской школѣ.

VI.

Съ окончаніемъ образованія для Василія наступила новая жизнь. Еще въ аѣнской школѣ Василій вмѣстѣ съ другомъ своимъ мечталъ о жизни, посвященной служенію Богу. Будущему свѣтилнику Церкви предстояло, однако, испытаніе при выборѣ жизненной дороги. Василій сознавалъ свое превосходство, и жизнь манила его широкой дѣятельностью, которая шла въ разрѣзъ съ идеаломъ, созрѣвавшимъ въ его душѣ. Великъ былъ соблазнъ для молодого ученаго. Слава о немъ распространилась по Неокесаріи, и жители отправили къ нему депутатовъ съ прось-

бою взять на себя образование юношества. Депутаты расточали похвалы краснорѣчію Василія и льстили его самолюбію. Василій колебался не долго. Онъ рѣшительно отказался отъ предложенія и, какъ бы для пріобрѣтенія помощи свыше, принялъ крещеніе отъ епископа Діанія, который давно чувствовалъ къ нему расположеніе.

Отца Василія въ это время уже не было въ живыхъ. Всѣ хлопоты по дому и имѣніямъ лежали теперь на Емме-лии, которой усердно помогала старшая дочь Макрина. Она была необыкновенно красива. Воспитанная матерью въ правилахъ благочестія и трудолюбія, она заботилась больше объ «украшеніи души», чѣмъ о нарядахъ. Она была обручена, но не задолго до свадьбы женихъ заболѣлъ и умеръ. Въ этомъ Макрина увидѣла указаніе свыше и осталась дѣвственницей. Она посвятила себя хозяйству и воспитанію младшихъ братьевъ и сестеръ. «Нѣсколько служанокъ не могли столько выполнить, сколько выполняла одна Макрина. Она сама пекла хлѣбы и шила бѣлье». Со смертью отца у нея стало еще больше дѣла. «Важнѣе же всего было то, что Макрина имѣла вліяніе на нравственный бытъ семьи. Она внушила и брату Василію предаться исключительно изученію евангельской мудрости и образова-вала Петра, являсь для него второй матерью и наставницей».

Она была очень обрадована, когда Василій, послѣ пріятія крещенія, укрѣпившись Божьей благодатью, рѣшился отдаться изученію св. писанія и посвятить себя монашеской жизни. Не любившій что-либо дѣлать вполовину, Василій и въ новомъ своемъ рѣшеніи не остановился на полдорогѣ. Желая посвятить себя уединенію, онъ пожелалъ найти себѣ руководителя, найти такого человѣка, который былъ бы образцомъ пустынножительства. Въ Малой Азіи монастыри еще были неизвѣстны, и Василій, несмотря на слабое здоровье, отправился въ далекое путешествіе, въ Египетъ и въ Палестину, чтобы ознакомиться съ тамошними монастырями и повидать великихъ подвижниковъ, которыми славился Востокъ.

Уже не было въ живыхъ Антонія Великаго, но пустыни Египта были полны множествомъ учениковъ и послѣдователей этого славнаго старца. Еще совершали свой

подвигъ такіе столпы пустынножителства, какъ Пахомій вивандскій, Пафнутій, Піоръ и Исидоръ египетскій. Въ Месопотаміи жило также много пустынниковъ, которые питались одной травой. И Василій, искавшій руководства мужа образцовой жизни, писалъ о своемъ путешествіи: «много нашелъ я теперь мужей въ Александріи, много въ другихъ мѣстахъ Египта; видѣлъ такихъ мужей въ Палестинѣ, Кесаріи и Месопотаміи, удивился ихъ воздержанію въ пищѣ, неутомимости въ молитвахъ. На самомъ дѣлѣ воспроизводили они на своемъ тѣлѣ страданія Іисуса. И я желалъ быть подражателемъ сихъ людей, сколько мнѣ можно».

Василій, однако, не остался на Востокѣ, а вернулся обратно на родину, чтобы здѣсь отдаться уединенной жизни. Въ это время мать его и сестра Макрица удалились въ пустыню на берегу рѣки Ириса и здѣсь, недалеко отъ горы Ивора, построили обитель, при чемъ служанокъ своихъ обратили въ сестеръ.

По словамъ Григорія Богослова, въ женской общинѣ, созданной Еммеліей и Макриной, въ отношеніи пищи и питья не было никакого различія, какъ и въ отношеніи келій и убранства и другихъ потребностей жизни. Неравенство состояній, сословія, значенія въ прежней свѣтской жизни здѣсь не оставляло никакого слѣда. Жизнь, которую вели подвижницы, была такъ свята, что ее трудно описать. Нельзя было замѣтить у нихъ признака гнѣва и зависти. Занятія ихъ состояли въ молитвѣ и цѣнніи псалмовъ. Матеріально обители помогалъ Василій и младшій братъ Петръ, который жилъ недалеко въ другомъ монастырѣ.

Возвратившись на родину, Василій поселился на берегу р. Ириса, на противоположной сторонѣ котораго жили его мать и сестра. Можетъ быть, онъ здѣсь поселился именно по просьбѣ ихъ, а также и потому, что ему очень понравилось это очаровательное мѣсто.

VII.

Какъ только Василій устроился въ своемъ уединенномъ убѣжищѣ, онъ сейчасъ же послалъ письмо другу Григо-

рію и въ этомъ письмѣ съ мастерствомъ художника, понимающаго и любящаго природу, описаль свой уголокъ, свою «Елеонскую гору». «Такъ именно Богъ указаль мнѣ мѣсто, которое вполнѣ соотвѣтствуетъ моему вкусу,—признается Василій.—Такое именно мѣсто я рисоваль часто въ своемъ воображеніи. Это высокая гора, отъняемая густымъ лѣсомъ, орошаемая съ сѣвера холодными и прозрачными потоками. У подошвы ея разстиается низкая равнина, постоянно орошаемая потоками съ горъ. Дѣвственный лѣсъ изъ деревьевъ разнаго рода и листвы, растуцій кругомъ нея защитой. Равнина со всѣхъ сторонъ окружена скалистыми хребтами. Съ двухъ сторонъ ея глубокия и обрывистыя рывины, а съ третьей—текущая рѣка сама крутизной своихъ береговъ составляетъ постоянный и почти непроходимый предѣлъ. Горный хребетъ съ его дунообразными извивами какъ бы стѣнами обводитъ доступныя части равнины. Въ нее есть лишь одинъ входъ, который и занимается нами. Моя хижина построена на другомъ возвышеніи съ высоковоздымающимся сухожиліемъ на вершинѣ, такъ что вся равнина разстиается передъ взоромъ, и съ этой вершины я могу видѣть текущую кругомъ рѣку. Ирисъ течетъ быстрѣе, чѣмъ какая-либо извѣстная мнѣ рѣка, на короткомъ пространствѣ бьетъ своей волной въ прилегающую скалу, затѣмъ, перескакивая черезъ нее, переходитъ въ глубокой водоворотъ, представляя восхитительное зрѣлище для всякаго. Нужно ли мнѣ рассказывать тебѣ о сладостныхъ испареніяхъ земли или легкихъ вѣтеркахъ отъ рѣки? Высшей моей похвалою этому мѣсту служить то, что, при всемъ изобиліи своихъ плодовъ, оно приноситъ мнѣ сладчайшій изъ всѣхъ—спокойствіе».

Поселившись въ этомъ «очаровательномъ мѣстѣ», Василій Великій предался посту, молитвѣ и изученію св. писанія. Онъ велъ необыкновенно суровый образъ жизни. У него была только одна нижняя и одна верхняя одежда; на ночь онъ одѣвался въ грубую власяницу. Онъ питался однимъ хлѣбомъ съ солью, пилъ только воду. Онъ спалъ на голой землѣ и большую часть ночи проводилъ въ молитвѣ.

Василій много разъ звалъ къ себѣ друга, уже покинувашаго Аѳины и жившаго въ Назіанзѣ, но Григорій не

могъ присоединиться къ Василю, потому что его престарѣлые родители нуждались въ помощи сына. Но онъ изрѣдка посѣщаль друга въ его пустынномъ уединеніи, и эти дни, проведенные въ глуши лѣсовъ при шумѣ потоковъ, были и для него лучшими днями жизни, о которыхъ онъ вспоминалъ съ восхищеніемъ. А между тѣмъ они были полны тяжелаго труда и лишеній. «Я помню, — писалъ впоследствии Григорій своему другу, — помню эти хлѣбы, и всегда буду помнить, такъ какъ мои зубы скользили по жесткимъ кускамъ, изъ которыхъ затѣмъ нужно было вытаскивать ихъ будто изъ извести. Какъ можно не упомянуть объ этихъ огородахъ, когда на своихъ выяхъ и своими руками мы вывозили телѣгу не для того, чтобы загородить Гелеспонтъ, а для того, чтобы сравнять крутизну».

И Василиій Великій всегда съ восторгомъ вспоминалъ эту жизнь въ уединеніи, гдѣ трудъ смѣнялся пѣснопѣніями и молитвой, молитвы — изученіемъ св. писанія, а силы укрѣплялись отъ поста и дружескихъ бесѣдъ. «Можетъ ли быть что болѣе блаженнымъ, чѣмъ подражать на землѣ лику ангеловъ, спѣшить на молитву при самомъ разсвѣтѣ дня, прославлять Творца гимнами и пѣснями, а затѣмъ, когда ярко просіяетъ солнце, обращаясь къ труду, приправлять его гимнами, какъ бы солью?»

Не въ этомъ ли уединеніи вылилась изъ сердца подвижника въ минуту высокаго религіознаго вдохновенія чудная пѣснь, начинающаяся словами: «Благословенъ еси Владыко Вседержителю, просвѣтливый день свѣтомъ солнечнымъ и ночь уяснивый зарями огненными!»

Василиій Великій не долго оставался въ одиночествѣ. Привыкнувъ къ нему, сперва онъ какъ бы тяготился общеніемъ съ другими, но полный дѣятельной любви къ ближнему, хотящій быть полезнымъ всѣмъ, ищущимъ спасенія и нуждающимся въ помощи, онъ сердечно отзывался на призывъ тѣхъ, которые искали у него наставленія какъ у челоуѣка «власть имущаго» и умѣющаго раскрыть истину. Мало-по-малу около него собралось большое число подвижниковъ и образовалась обитель. Потомъ начали устраиваться и другіе монастыри, какъ мужскіе, такъ и женскіе. Эти обители являлись духовными оазисами

въ тяжелыя времена. Сюда шли всѣ искавшіе мира и находили здѣсь тихое убѣжище, какъ люди, уже перенесшіе много горя и тревогъ, такъ и тѣ, которые еще не знали ихъ, но уже съ юныхъ лѣтъ возжаждали подвига и уединенія. Для всѣхъ Василиій Великій былъ примѣромъ и свѣтильникомъ, былъ руководителемъ, полнымъ любви дѣятельной и высокой, которою онъ жилъ и которую положилъ въ основу монастырскихъ правилъ. «Получивъ заповѣдь любить отъ Бога, приобрѣли мы и силу любить. Кто же любить Бога, тотъ любить и ближняго. И опять, кто любитъ ближняго, продолжаетъ любовь къ Богу, потому что Богъ всякую милость къ ближнему пріемлетъ за милость къ Себѣ». Въ «Словѣ о подвижничествѣ» Василиій Великій говоритъ: «Любовь же другъ къ другу должна быть во всѣхъ такъ же равною и общою, какъ человѣкъ естественнымъ образомъ имѣетъ любовь къ каждому изъ членовъ своего тѣла, потому что страданіе каждаго больнаго члена причиняетъ равное безпокойство тѣлу. Любящій одного предпочтительно передъ другими обманываетъ себя въ томъ, что имѣетъ совершенство любви къ другимъ. Заповѣдь приняли мы отъ Господа подражать благости Ниспосылающаго солнечный свѣтъ одинаково и праведнымъ и злымъ. Какъ Богъ всѣмъ даетъ возможность равно пріобщаться свѣта, такъ и подражатели Божіи да изливаютъ на всѣхъ общій и равночестный лучъ любви. Ибо гдѣ оскудѣваетъ любовь, тамъ на мѣсто ея входитъ ненависть».

Григорій Богословъ, посѣщая друга, помогалъ ему и въ составленіи правилъ для монашествующихъ. И этотъ уставъ сдѣлался образцомъ для всѣхъ другихъ монастырей.

VIII.

Василиій Великій мечталъ о тихой жизни въ уединеніи, но Промыслъ Божій назначилъ ему иной путь, иной подвигъ. Церковь нуждалась въ его услугахъ, и онъ долженъ былъ послужить ей не въ санѣ инока въ дебряхъ Понта, а «стоя на верху горы», гора «яркимъ свѣтиль-

никомъ», который своимъ свѣтомъ озарялъ путь, разгонялъ мракъ заблужденій и ересей.

Состояніе христіанской Церкви было очень печальное. Между пастырями развилась алчность и многіе епископы рукополагали за деньги въ пресвитеры недостойныхъ, а также и тѣхъ, которые хотѣли священствомъ избавиться отъ военной службы. Конечно, не они могли явиться тѣми добрыми пастырями, которые, по слову Спасителя, кладутъ душу «за други своя».

А между тѣмъ Церкви угрожало аріанство. Въ 325 г., на первомъ никейскомъ вселенскомъ соборѣ, лжеученіе Арія было осуждено, и составленъ символъ вѣры, не допускавшій никакого ложнаго толкованія относительно Иисуса Христа. Символь былъ составленъ такъ: «Вѣруемъ во единого Бога, Вседержителя, Творца видимыхъ и невидимыхъ. И во единого Господа Иисуса Христа, Сына Божія, едиnorodнаго, Иже отъ Отца рожденнаго: то-есть изъ сущности Отца, Бога отъ Бога, свѣта отъ свѣта, Бога истинна отъ Бога истинна, рожденна, не сотворенна, единосущна Отцу, имъ же вся быша. Насъ ради человекъ и нашего ради спасенія спешшаго и воплотившагося, и вочеловѣчшагося, страдавшаго и погребеннаго и воскресшаго въ третій день по писаніямъ, и восшедшаго на небеса, и сѣдящаго одесную Отца, и паки грядущаго со славою судити живымъ и мертвымъ, Его же Царствію не будетъ конца; и въ Духа Святаго».

Но аріанство не покорилось и не исчезло. Въ лицѣ императора Констанція оно нашло себѣ энергичнаго защитника. Поэтому многія епископскія кафедры были заняты аріанами. Св. Афанасія, яраго противника аріанства, изгнали изъ Александріи, и его замѣстилъ аріанинъ Героргій; въ Антиохіи епископствовалъ аріанинъ Евдоксій. Главные представители ереси—Аэтіи и Евноміи открыто проповѣдывали свое лжеученіе, отвергая единосущность Иисуса Христа и признавая Его сотвореннымъ, а не рожденнымъ отъ вѣка. Середину между аріанами и православными занимали такъ называемые полуаріане. Они не исповѣдывали, что Иисусъ Христосъ единосущный Отцу, но и расходились съ аріанами, называя Иисуса Христа

подобносущнымъ Отцу. Нѣкоторые держались такого мнѣнія по заблужденію, а иные изъ опасенія гоненій боялись, исполнѣ пристать къ православнымъ. Для прекращенія разногласій Констанцій рѣшилъ въ 354 г. собрать снова вселенскій соборъ. Аріане все-таки боялись, что полуаріане могутъ присоединиться къ православнымъ, и уговорили императора раздѣлить соборъ на два, такъ чтобы восточные собрались въ Селевкіи Исаврійской, а западные въ итальянскомъ городѣ Римини, и уже тѣ и другіе чрезъ своихъ выборныхъ представили бы свои рѣшенія императору. Констанцій поступилъ по желанію аріанъ. Составились два собора, и въ Римини большинство православныхъ епископовъ подтвердило исполнѣ Никейскій символъ вѣры, а въ Селевкіи, гдѣ православныхъ было мало, мнѣнія раздѣлились: полуаріане согласились признать Никейское исповѣданіе вѣры, съ исключеніемъ слова «единосущный», а аріане составили свой символъ вѣры.

Не задолго передъ созваніемъ собора Василій Великій былъ сдѣланъ «чтецомъ» кесарійской церкви и въ этомъ чинѣ присутствовалъ на селевкійскомъ совѣщаніи. Изъ Селевкіи онъ вмѣстѣ съ выборными прибылъ въ Константинополь. Несмотря на свою молодость и скромное положеніе въ церковной іерархіи, онъ пользовался широкой славой какъ знатокъ Писанія и краснорѣчивый поборникъ православія. Онъ энергично оспаривалъ еретиковъ, состязаясь въ Константинополь и его окрестностяхъ. Но никакой свѣтъ истины не могъ побѣдить упорства императора. Православные епископы, выборные отъ Селевкійскаго собора, были низложены, а отъ всѣхъ прочихъ императоръ требовалъ признанія аріанскаго символа.

Это ошечалило истинно преданныхъ православію и особенно Василя Великаго, сердцу котораго былъ нанесенъ двойной ударъ: подъ аріанскимъ символомъ подписался епископъ Діаній, который крестилъ его и котораго онъ считалъ образцомъ христіанскихъ добродѣтелей. Огорченный поступкомъ Діанія, Василій Великій отказался отъ общенія съ нимъ, удалился изъ Кесаріи къ другу Григорію, а потомъ въ свое уединеніе, гдѣ и написалъ три книги противъ ереси Евномія, посланіе къ инокамъ, положивъ въ нихъ истинное ученіе о Сынѣ Божіемъ.

Но вскорѣ между Василиемъ и Діаніемъ произошло примиреніе. Смерть Констанція и воцареніе Юліана, мечтавшаго возстановить язычество, привели въ тревогу Діанія. Сознавая достоинство Василія, его силу въ борьбѣ съ ересями, епископъ, лежавшій уже на одрѣ болѣзни, призвалъ изъ пустыни того, кого онъ полюбилъ еще какъ ученика кесарійской школы. Ревностный къ вѣрѣ, но мягкій къ заблуждающимся, Василій явился на зовъ епископа, который сознался въ своей ошибкѣ и говоритъ, что подписалъ символъ вѣры по простотѣ сердца, не понимая хорошенько различія словъ. Василій Великій видѣлъ искренность старца, понималъ, что есть случаи, когда «чернила не пятнають души», и снова вступилъ въ общеніе съ Діаніемъ. Вскорѣ послѣ этого Діаній умеръ.

IX.

Съ воцареніемъ Юліана языческая партія подняла голову: императоръ прямо заявилъ себя почитателемъ боговъ Греціи и Рима. Разрушенныя языческія капища возстановлялись, и во многихъ мѣстахъ на счетъ христіанъ. Императоръ принималъ участіе во всѣхъ языческихъ церемоніяхъ и гордился званіемъ верховнаго жреца болѣе, чѣмъ императорскимъ титуломъ. Но онъ понималъ, что язычество не можетъ имѣть силы, если не преобразуется и не поднимется нравственно. Прежде всего онъ обратилъ вниманіе на жрецовъ. Онъ поставилъ ихъ высоко и потребовалъ отъ нихъ идеальной жизни. Здѣсь на Юліанѣ сказалось вліяніе христіанскаго ученія. Но не только отъ жрецовъ, Юліанъ отъ всѣхъ требовалъ нравственнаго улучшенія, безъ котораго, конечно, нельзя было язычеству бороться съ христіанствомъ. Императоръ старался о развитіи среди язычества христіанскихъ добродѣтелей. Жрецамъ онъ запретилъ являться на общественныя увеселенія, велѣлъ при капищахъ устроить богадѣльни и больницы, соперничая въ этомъ съ христіанскими общинами. «Стыдно намъ, что галилеяне (иначе Юліанъ не называлъ христіанъ) содержатъ не только своихъ бѣдныхъ, но и нашихъ!»

Онъ не преслѣдовалъ открыто христіанъ, хорошо по-

нимая, что «кровь мучениковъ есть сѣмя христіанской Церкви». Онъ объявилъ свободу вѣроисповѣданій и вернулъ изъ ссылки тѣхъ, которые ей подверглись за вѣру въ предыдущее царствованіе. Но онъ не пропускалъ случая унижить христіанство и заявить свое языческое исповѣданіе. Онъ уничтожилъ всѣ христіанскіе символы на публичныхъ зданіяхъ, на знаменахъ войскъ, открыто смѣялся надъ христіанствомъ. Желая нанести ударъ православію и матеріально и нравственно, онъ запретилъ дѣлать завѣщанія имуществъ въ пользу церквей, лишилъ духовенство многихъ льготъ, при всякомъ удобномъ случаѣ обращалъ христіанскіе храмы въ языческіе и запретилъ христіанамъ преподавать классическую литературу, такъ что въ христіанскихъ школахъ нельзя было изучать греческихъ и римскихъ писателей. «Для христіанъ довольно ихъ священныхъ книгъ», говорилъ онъ. Цѣль Юліана очевидна: онъ хотѣлъ понизить ученость христіанъ, ибо ему было досадно видѣть мудрыхъ и ученыхъ людей въ родѣ Василия или Григорія, которые получили блестящее греческое образованіе и обратили свои знанія на пользу Церкви. Самое возвращеніе ссыльныхъ было сдѣлано съ коварной цѣлью. Юліанъ предполагалъ, что новыя распри о вѣрѣ повредятъ христіанству. Но онъ ошибся: общая опасность заставила христіанъ на время забыть о спорахъ и дружно сомкнуться въ борьбѣ противъ язычества. Видя это, Юліанъ сталъ дѣлать поправки: онъ снова началъ удалять съ мѣстъ епископовъ, возвращенныхъ изъ ссылки. Такъ, Аѳанасію было велѣно удалиться изъ Александріи, «въ силу того, что указъ, возвратившій изгнанниковъ, не имѣлъ въ виду возстановленія епископовъ на кафедры, занимаемыя ими до изгнанія». На просьбу христіанъ вернуть епископа Юліанъ отвѣтилъ повелѣніемъ изгнать Аѳанасія даже изъ Египта, и затѣмъ приказалъ разрушить главную церковь Александріи и казнить Аѳанасія. Епископъ спасся отъ смерти, найдя убѣжище въ пустынѣ, у подвижниковъ. Но Промыслъ Божій не оставлялъ Церковь Христову. Погибшіе мученики—христіане Церкви торжествующей—стояли какъ бы на стражѣ Церкви земной—воинствующей. Знаменателенъ слѣдующій фактъ.

Желая осрамить христіанъ, Юліанъ приказалъ кропить кровію идольскихъ жертвъ припасы, продаваемые на базарѣ. И вотъ на первой недѣлѣ Великаго поста епископу константинопольскому явился мученикъ Ѳеодоръ Тиронъ и сказалъ: «Запрети христіанамъ употреблять въ пищу купленное на рынкѣ; пусть тѣ, которые не имѣютъ иныхъ запасовъ, сварятъ у себя пшеницу съ медомъ» *).

Злоба Юліана росла. Особенно онъ разгнѣвался на Кесарію, когда тамъ разрушили языческій храмъ. Онъ предаль смерти Евсихія, ревностнаго борца за вѣру, наложивъ на городъ большой штрафъ, лишивъ его даже имени Кесаріи. Какъ разъ въ это время умеръ Діаній, и на его мѣсто избранъ былъ Евсевій, занимавшій доселѣ важный государственнй постъ. Это также не понравилось императору, который цѣнилъ Евсевія, какъ храбраго воина. Юліанъ приказалъ отмѣнить избраніе. Но епископы, а главнымъ образомъ престарѣлый Григорій, отецъ Григорія Богослова, категорически отказались исполнить волю Юліана. Григорій-отецъ смѣло отвѣтилъ правителю: «мы признаемъ въ дѣлѣ вѣры одного царя—Бога. Предъ Нимъ мы только и отвѣтственны. Нашъ образъ дѣйствій былъ законенъ,—и здѣсь насъ измѣнить не можетъ принудить царь». Правитель съ уваженіемъ отнесся къ такой смѣлости почтеннаго іерарха. Персидскій походъ отвлекъ вниманіе Юліана отъ Кесаріи и ея свѣтильниковъ, столь мѣшавшихъ языческому императору, а скоро послѣдовавшая смерть его (въ 363 г.) избавила христіанство отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій со стороны язычниковъ.

Вновь избранный епископъ Евсевій былъ совсѣмъ не подготовленъ къ своему высокому служенію; онъ былъ даже мало знакомъ съ ученіями вѣры. Нуждаясь въ сильномъ помощникѣ, онъ призвалъ въ 364 году Василія и посвятить его въ пресвитеры.

---

*) Съ тѣхъ поръ и понынѣ въ православной Церкви введенъ обычай на первой недѣлѣ Великаго поста, въ пятницу, послѣ литургіи освящать „коливо“ и давать его вкушать молящимся.

Х.

Василій Великій стремился душою къ монашеству, но покорился волѣ народа и епископа и ревностно принялся за исполненіе своихъ новыхъ обязанностей. Онъ высоко ставилъ іерея, понималъ все значеніе его для паствы и не только не старался избѣгать лишняго труда, но, напротивъ, самъ искалъ его, стремясь все время посвящать службѣ и учительству. Онъ не могъ ограничиться исполненіемъ однѣхъ церковныхъ требъ, справедливо полагая, что проповѣдь—одна изъ главныхъ обязанностей пастыря, оберегающаго свое стадо отъ «расхищенія волками». Его познанія и заботы о бѣдныхъ и нуждающихся привлекали къ нему общее сочувствіе. Онъ настолько отдался труду, что уже рѣдко могъ переписываться съ друзьями. «У тебя есть все-таки досугъ,—писалъ онъ Леонтію,—а я его не имѣю».

Такое рвеніе молодого пресвитера должно было бы нравиться епископу. Онъ цѣнилъ труды и талантъ Василія, но у Евсевія зародилось невольное чувство зависти къ своему пресвитеру, пользовавшемуся общою сердечною любовью. Онъ сознавалъ, что Василій ближе къ народу, и какъ бы заслоняетъ собою епископа, которому остаются однѣ внѣшнія почести. Не выдержавъ такого положенія, Евсевій оскорбилъ Василія и изгналъ его изъ церкви. Евсевій народъ не особенно любилъ, и Василію легко было, пользуясь общимъ расположеніемъ, отомстить епископу и нанести ему поражение. Но, несмотря на свой властный характеръ, Василій покорился Евсевію и удалился въ пустынное уединеніе. вмѣстѣ съ нимъ удалился и Григорій Богословъ, довольный поступкомъ друга, который явилъ себя достойнымъ ученикомъ Христа, благоговявшаго «кроткихъ».

Но недолго пришлось оставаться «свѣтильнику подъ спудомъ». Неискусный въ дѣлѣ управленія епархіей, малосвѣдущій въ религіозныхъ вопросахъ, Евсевій почувствовалъ себя одинокимъ и безсильнымъ безъ Василія. Епископу нуженъ былъ человекъ знающій и опытный. Онъ обратился къ Григорію Богослову. Но этотъ отка-

зался помогать Евсевію, обидѣвшему его друга. Евсевію ничего не оставалось, какъ примириться съ пресвитеромъ, незаслуженно оскорбленнымъ и изгнаннымъ. Онъ выразилъ желаніе видѣть Василія опять въ Кесаріи. Вѣрный служитель Церкви, забывши свое личное оскорбленіе, спѣшилъ на призывъ епископа, чтобы снова трудиться на пользу православія. Теперь Евсевій уже совсѣмъ отстранился отъ управленія—и въ дѣйствительности епископомъ, оставаясь въ санѣ іерея, сдѣлался Василій. И онъ доказалъ, что вполне приготовленъ для такого дѣла, достоинъ той любви, которую питалъ къ нему народъ.

Онъ еще съ большей энергіей отдавался трудамъ, попрежнему много посвящая времени проповѣди. Онъ поучалъ не только ежедневно, но нерѣдко два раза въ день—утромъ и вечеромъ. Иногда, окончивъ проповѣдь въ одной церкви, онъ спѣшилъ въ другую и тамъ поучалъ опять. Иногда происшествія вчерашняго дня давали ему содержаніе для проповѣди, а иногда онъ отвѣчалъ на только-что сдѣланные ему вопросы. Массы народа стекались слушать его, оставляя работу. Многіе издалека приходили, чтобы назидаться словами великаго учителя. Онъ избѣгалъ въ проповѣдяхъ отвлеченности, касаясь жизни и дѣятельности. «Живо и убѣдительно для ума и сердца онъ раскрывалъ красоту добродѣтелей христіанскихъ и обличалъ гнусность пороковъ; онъ убѣждалъ избѣгать грѣха и указывалъ, какъ достигнуть спасенія». Его слово, какъ слово подвижника и праведника, имѣло большую силу, потому что всегда сильнѣе дѣйствуетъ поученіе того, кто самъ служитъ образцомъ добродѣтели и живетъ согласно со своею проповѣдью. Василій любилъ объяснять св. писаніе, но при этомъ онъ имѣлъ въ виду назиданіе слушателей. Онъ доказывалъ, что природа учитъ человѣка только доброму и хорошему. Человѣку-царю на землѣ должно учиться и у тварей безсловесныхъ, ибо образъ жизни ихъ даетъ много назидательнаго при умѣнныи вглядываться и наблюдать.

Самое первое слово, сказанное Василіемъ въ санѣ пресвитера, было произнесено по назначенію епископа. Это была бесѣда на текстъ изъ первыхъ стиховъ Соломоновыхъ притчей. Въ этой бесѣдѣ интересенъ взглядъ Василія на

наказаніе. Объясняя слова: *познати наказаніе*, онъ доказываетъ пользу наказанія: «наказаніе есть для души полезное образованіе, которое очищаетъ ее отъ пятенъ грѣха. Наказаніе часто бываетъ полезно для тѣхъ, кто не исполняетъ заповѣдей Божіихъ. Когда Богъ пошлетъ на нихъ наказаніе, тогда они пріемлютъ тѣ Божескія повелѣнія, о которыхъ раньше было говорено, но которыя они раньше оставляли безъ вниманія. Наказаніе для разсуждающихъ здраво—дороже денегъ».

Замѣчательны его поученія «О постѣ», «О благодареніи», «О богатыхъ», «Во время суши и глада», «Противу гнѣвающихся», «О зависти», «Противъ пьяницъ», «О смиренномудріи», слова на праздники и пр.

Въ поученіи «О постѣ» Василій Великій, признавая большое значеніе поста въ смыслѣ воздержанія въ пищѣ, требуетъ еще болѣе поста нравственнаго. Онъ говоритъ: «не должно пользу поста полагать только въ воздержаніи отъ брашенъ: истинный постъ—злыхъ отчужденіе. Отпусти ближнему причиненную тебѣ имъ обиду, «не въ судѣхъ поститесь». Мясa не ѣшь, а брата твоего снѣдаешь. Отъ вина воздерживаешься, а отъ обидъ другихъ себя не удерживаешь. Ожидаешь вечера для вкушенія пици, а день проводишь въ судьбицѣ съ ближнимъ!» Какое великое значеніе придастъ посту Василій, видно изъ слѣдующихъ словъ: «постъ хранить младенца, дѣлаетъ трезвымъ юношу, показываетъ честнымъ старца,—ибо та старость почтенна, которая постомъ украшается. Примите постъ, убогіе, какъ сообитателя своего и сотрапезника; примите, богатые, ибо онъ уничтожаетъ вредъ, наносимый вамъ отъ пресыщенія; примите, немощные, какъ отца здравія; примите, здоровые, какъ охранителя вашей «крѣпости». Ярко и сильно написана бесѣда «на гнѣвливыхъ». Не даромъ сказано: гнѣвъ губитъ и разумныя (Притч. 15, 1). «Гнѣвъ дѣлаетъ человѣка звѣремъ. Раздраженные не уважаютъ ни сѣдины, ни добродѣтельной жизни, ни родства, ни прежнихъ оказанныхъ услугъ, ничему не придаютъ цѣны. Раздраженіе—кратковременное бѣшенство. Раздраженные даже себѣ вредятъ иногда болѣе, чѣмъ врагу. Ужасенъ видъ гнѣвныхъ. Не узнаешь тѣхъ глазъ, какіе имъ свой-

ственны обычно; взоръ блуждаетъ и сверкаетъ огнемъ. Они скрипятъ зубами; лицо мрачно и налито кровью; все тѣло надуто, жилы готовы лопнуть, потому что духъ взволнованъ внутренней бурей; голосъ жестокъ, рѣчь не-связна, течетъ въ излишествѣ и нераздѣльно, не въ порядкѣ, невразумительно». Св. Василій предостерегаетъ отвѣчать гнѣвомъ на гнѣвъ, ибо это значитъ увеличивать пожаръ. «Не врачуйте зла зломъ. Если обидѣлъ тебя кто въ гнѣвъ, останови гнѣвъ молчаніемъ. Не будь гнѣвнаго какъ бы зеркаломъ, показывая въ себѣ его образъ. Онъ багровъ — и ты красенъ... Останови зло въ первомъ его началѣ. Тебя укоряютъ, а ты благословляй. Бьютъ — терпи. Считаютъ тебя за ничто, — а ты подумай, что ты изъ земли сотворенъ и въ нее уйдешь, посему назови себя пепломъ. Не теряй благоразумія. Подумай: если онъ назвалъ тебя нищимъ, и по правдѣ, — прими ее; а если лжетъ, — что тебѣ до сказаннаго имъ! Что возмутительнаго въ названіи «нищій»? Нагъ взошелъ ты въ міръ, — нагъ и уйдешь. Стыдно не нищимъ быть, а не имѣть мужества нищету переносить. Вспомни Христа: Онъ «богатъ снѣ и насъ ради обнища». Если назоветъ тебя кто невѣждой, вспомни обидныя слова іудеевъ на Господа: «Самарянинъ ты и бѣса имаша». Ты заушенъ? Но и Христа заушили. Тебя оклеветали? Но оклеветанъ былъ и Судія всѣхъ. У тебя изорвали одежду? И Его одежды раздѣлены. Истреби въ себѣ двѣ мысли: не считай себя достойнымъ чего-либо великаго и не думай, чтобы ближній твой былъ ниже тебя по достоинствамъ. Будемъ помнить увѣщанія апостола, будемъ добры и милостивы другъ къ другу, ожидая блаженнаго упованія, обѣщаннаго краткимъ».

Глубокаго вниманія заслуживаетъ и бесѣда «О зависти». Зависть — величайшее зло. Завистливый — хуже грабителя. Завистливый питаетъ зло въ сердцѣ своемъ ко всѣмъ, которые чѣмъ-нибудь превосходятъ его, даже къ тѣмъ, которые дѣлаютъ ему добро. Онъ жаждетъ, чтобы всѣ были ниже его. Зависть — это скорбь о благополучіи ближняго, котораго мы обязаны любить, какъ сами себя». Чужое богатство, чужой успѣхъ, чужая красота, чужое здоровье, — все причиняетъ скорбь для завистливаго. «Завистливый че-

довѣкъ несчастію того, кто одержимъ недугомъ тѣла. Больной можетъ другому ввѣрить скорбь свою, а завистливый вѣдь не осмѣлится открыться въ своей скорби, и скрытый ядъ въ душѣ извѣдаетъ ее, какъ ржавчина желѣзо. Зависть есть самый непреодолимый родъ вражды. Другихъ недоброжелателей смягчаютъ благодѣянія, но завистливаго еще болѣе раздражаетъ сдѣланное добро».

Зависть продала Юсіфа.

Но какъ избѣжать зависти? Прежде всего, отвѣчаетъ св. Василій, «не будемъ ничего почитать чрезвычайнымъ, ни того, что называется богатствомъ, ни славы увядающей, ни тѣлеснаго здоровья, потому что не въ преходящихъ вещахъ искать надо блага, а въ благахъ вѣчныхъ, слѣдовательно, нечего завидовать богатому ради богатства, властелину ради его величія. Это все орудія добродѣтели для тѣхъ, кто ими пользуется хорошо, но сами въ себѣ не заключаютъ блаженства. Кто ими пользуется худо, тотъ подобенъ челобѣ, взявшему мечъ для отраженія врага и ранившему себя. Кто распоряжается благами хорошо, не для собственнаго наслажденія собираетъ сокровища, того слѣдуетъ, по справедливости, любить и хвалить. Кто почтенъ отъ Бога даромъ слова и пользуется симъ для истолкованія словесъ священныхъ,—не желай, чтобы умолкъ когда-нибудь пророкъ священнаго слова, если похвала слушателей и сопровождаетъ его. Это и твое благо, посылаемое тебѣ черезъ брата. Никто не заграждаетъ источника ключевой воды, никто не закрываетъ взоровъ отъ солнца, никто не завидуетъ имъ, а желаетъ ими насладиться. Слѣдовательно, если кто имѣетъ много и дѣлаетъ хорошо,—нечего ему завидовать, а надо радоваться благу, чрезъ него происходящему. А если кто, имѣя много, дѣлаетъ худо, чего же завидовать ему, который себѣ вредитъ и отвѣтъ великій за это понесетъ!»

Я коснулся только нѣкоторыхъ поученій, взявъ лишь нѣсколько мѣстъ изъ нихъ. Но все описанія Василія Великаго вмѣстѣ являются сокровищемъ мудрости, краснорѣчія и священной поэзіи. О нихъ слѣдующимъ образомъ выразился св. Григорій Богословъ: «Когда я беру въ руки и читаю его Шестодневъ (бесѣды о мірозданіи), то

прихожу въ общеніе съ Творцомъ. Когда читаю книги, написанныя имъ о Св. Духѣ,—я нахожу Бога. Когда читаю другія его толкованія,—я слышу, какъ бы это былъ одинъ призывъ отъ одного къ другому, вижу свѣтъ, стремящійся къ свѣту, и постигаю значеніе священнаго писанія».

Не всѣ поученія, приведенныя и названныя выше, были произнесены Василиемъ въ санѣ пресвитера. Нѣкоторыя нужно отнести уже ко времени его епископства. Я коснулся ихъ заразъ, чтобы уже не прерывать болѣе нити разсказа. Къ тому же, не всегда можно точно опредѣлить, какія именно поученія относятся ко времени пресвитерства и какія къ годамъ епископства. Но ко времени іерейства относится навѣрное составленіе Литургіи, извѣстной теперь подъ именемъ Литургіи Василія Великаго *). Снисходя къ немощи мірянъ, пекущійся о нихъ пастырь сократилъ литургію ап. Іакова, употреблявшуюся въ Церкви въ то время. Кромѣ чина литургіи, Василій внесъ преобразование въ утреннее и вечернее богослуженіе. Ему же принадлежатъ двѣ молитвы предъ причащеніемъ и одна послѣ него, молитвы при елеосвященіи, молитвы, читаемыя съ колѣнопреклоненіемъ въ Троицынъ день (на вечернѣ), и множество молитвъ въ кругъ дневнаго служенія.

Но этимъ не ограничивалась дѣятельность неутомимаго пресвитера. Она была разнообразна. Заботясь о душахъ своихъ «дѣтей», добрый пастырь не забывалъ и насущныхъ нуждъ, заботился и о матеріальномъ благѣ пасомыхъ. Онъ защищалъ угнетенныхъ, являлся ходатаемъ за обиженныхъ, проявлялъ неустрашимость и отеческую любовь, питалъ голодныхъ, призрѣвалъ больныхъ и немощныхъ. Онъ устраивалъ больницы, пріюты, богадѣльни и страннопріимные дома. Впервые въ Кесаріи имъ было устроено убѣжище для прокаженныхъ, которыхъ всѣ боялись и чуждались. Они возбуждали въ Василіи глубокую

*) Литургія Василія Великаго совершается въ слѣдующіе дни: 1-го января (въ день памяти святителя), въ 5 воскресныхъ дней Великаго поста, въ великій четвергъ и въ великую субботу (на Страстной недѣлѣ), въ сочельникъ Рождества Христова и предъ Богоявленіемъ, если наканунѣ этихъ праздниковъ не приходятся дни субботніе или воскресные.

скорбь, и онъ проливалъ о нихъ слезы. Призывая всѣхъ помочь этимъ несчастнымъ, онъ говорилъ: «Они наши братья по Богѣ, получившіе одинаковое съ нами естество, какъ и мы, одарены образомъ Божиимъ, и хранящіе его, можетъ быть, лучше насъ; хотя и истлѣли тѣломъ, но во единого облечены Христа; за нихъ, равно какъ и за насъ, умеръ Христосъ, и они сопаслѣдники небесной жизни, хотя отчуждены отъ земной, и страдаютъ они со Христомъ, дабы съ Нимъ прославиться. Презримъ ли ихъ? Пройдемъ ли мимо безучастными? Оставимъ ли какъ мертвецовъ сихъ страшилищъ? Нѣтъ, братья! Не тому училъ насъ—овецъ своихъ—добрый Пастырь Христосъ, обращающій заблудшихъ, взыскующій погибшихъ, укрѣпляющій немощныхъ. Не то внушаетъ намъ и природа человѣчская, вложившая въ насъ законъ состраданія»...

И свое горячее слово, свой призывъ Василій сопровождалъ дѣломъ, которое являлось подвигомъ: онъ посѣщалъ зараженныхъ, обнималъ и лобызалъ ихъ, согрѣвая ихъ изстрадавшуюся душу тепломъ своей любви, озаряя ихъ сердца, исполненныя отчаянія, свѣтлою радостью.

Въ 368 г. Кесарійскую область посѣтило ужасное бѣдствие—голодъ. Хлѣбъ страшно вздорожалъ. Подвоза не было, а богатые, воспользовавшись несчастіемъ, подняли цѣны. Горе «духовныхъ дѣтей» не могло не отозваться скорбью въ отцовскомъ сердцѣ Василія, который въ это время страдалъ и физически, охваченный недугомъ, и нравственно, оплакивая смерть матери. Но онъ всегда забывалъ себя для другихъ, для добра, для дѣла на пользу ближняго. Все, что онъ получилъ въ наслѣдство отъ матери, онъ немедленно продалъ и роздалъ деньги бѣднымъ, которыхъ утѣшалъ, какъ отецъ. При этомъ онъ не дѣлалъ различія между христіанами, евреями и язычниками. Видя жестокосердіе богачей, онъ обратился къ нимъ съ пламенной рѣчью. «Земледѣльцы,—воскликнулъ онъ со слезами на глазахъ,—сидя на нивахъ и сложивъ руки на колѣняхъ, поглядывая на малютокъ своихъ и начинаютъ рыдать; устремлять взоры на женъ—и залиются слезами; пощупаютъ сухіе листья взошедшихъ стеблей—и громко зарыдають, какъ отцы, потерявшіе сыновей, достигшихъ цвѣтущаго возраста».

Затѣмъ, объясняя причину кары Божіей, онъ говоритъ: «Сами получаемъ, а другимъ не даемъ, изъ рабовъ дѣлаемся свободными и не имѣемъ жалости къ подобнымъ намъ рабамъ; *будучи голодны, насыщаемся, а кто скудепъ—проходимъ мимо.* Имѣя у себя не скуднаго подателя—Бога, стали скупы къ бѣднымъ. Овцы у насъ многоголовны, но нагихъ больше, чѣмъ овецъ. За сіе-то и Богъ не отверзаетъ руки Своей! За сіе-то шивы сухи, что оскудѣла любовь. Голосъ молящихся раздается напрасно, разсѣивается въ воздухъ, потому что и мы не слушаемъ умоляющихъ».

Яркими красками рисуетъ праведникъ ужасы голода. «Верхъ всѣхъ человѣческихъ бѣдствій — голодъ, всякой смерти мучительнѣе такой конецъ. Остріе меча наноситъ скорую смерть; стремительность огня угашаетъ мгновенно жизнь. Голодъ — продолжительное мученіе. Плоть, какъ паутина, прилегается къ костямъ: кожа теряетъ цвѣтъ, потому что съ оскудѣніемъ крови пропадаетъ румяность; не станеть бѣлизны, потому что поверхность тѣла чернѣетъ отъ истощенія; тѣло синѣетъ, потому что, вслѣдствіе страданія, слившіяся блѣдность и чернота производятъ жалкій видъ; колѣна на себѣ не держатъ, но стѣбаются; голосъ дѣлается тонокъ, слабъ; глаза изнемогаютъ въ своихъ впадинахъ, напрасно вложенные во влагалища, какъ изсохшія ядра въ орѣховую скорлупу; животъ впадаетъ, не имѣетъ ни вида, ни объема, ни упругости, прилегъ къ хребтовымъ костямъ. Какихъ же достоинъ наказаній тотъ, кто проходитъ мимо человѣка столь изможденнаго? Что еще можно прибавить къ такой жестокости? Не стоитъ ли онъ того, чтобы его причислить къ звѣрямъ, признать челоуѣкоубійцей?»

Эта энергичная и пламенная рѣчь пастыря, подкрѣпленная раздачею всего своего наследства, тронула каменныя сердца богачей, и они открыли свои житницы для голодающихъ.

Тысячи народа разнаго состоянія и различной вѣры благословляли Василія. А сердце его, страдавшее за народъ, страдало и за себя. Въ минуту скорби о матери онъ писалъ другу Григорію: «Я лишился единственнаго утѣше-

нія въ жизни, которое было у меня, я лишился матернѣ.

Недугъ приковывалъ Василія къ кровати, и онъ ожидалъ смерти. Но его ждала еще не могила, а епископская кафедра, ему предстояла тяжелая борьба съ врагами православія; эта борьба вознесла его еще выше и покрыла новою славой, заставивъ враговъ уважать его, дивиться ему и признать его силу, какъ служителя Христа.

XI.

Въ 370 году, послѣ восьми лѣтъ епископства, Евсевій скончался. Нужно было избрать новаго архіепископа и экарха кесарійскаго. Городъ пришелъ въ волненіе и раздѣлился на партіи. Кажется, нечего было долго разсуждать о томъ, кто достоинъ быть архіепископомъ. Пресвитеръ Василій былъ всехъ ученѣе, способнѣе и опытнѣе, такъ какъ уже на самомъ дѣлѣ, еще въ санѣ іерея, управлялъ епархіей. Къ тому же онъ отличался чистотою жизни, проявлялъ заботу о наствѣ, и едва ли кто другой могъ вообще соперничать съ нимъ въ добродѣтеляхъ. Такъ и разсуждали истинные христіане, такъ думала лучшая часть духовенства, за Василія стояли монахи, которые испытали на себѣ его попечительность и знали его подвижническую праведную жизнь. Но не такъ думали тѣ богачи, которыхъ Василій обличалъ за ихъ скаредность, за ихъ роскошную жизнь; не такъ думали тѣ порочные міряне, которымъ была неприятна правда, слышавшаяся въ рѣчахъ пресвитера. Среди черни, облагодѣтельствованной имъ, среди народа, для котораго онъ забывалъ себя, жертвуя здоровьемъ, не все были за него, потому что благодарность—свойство душъ высокихъ, а порокъ не любитъ обличенія. Буйная и порочная часть народа, забывая все сдѣланное Василіемъ, не стояла за его избраніе. Не мало было и такихъ среди обывателей, которые не желали избранія Василія изъ боязни передъ аріанствующимъ императоромъ. Нѣкоторые, скрывая свои истинныя побужденія, сылались на слабое здоровье Василія. Самъ онъ не искалъ себѣ кафедры и даже, можно

предполагать, хотѣлъ видѣть избраннымъ на кесарійскую кафедру Григорія. Онъ и написалъ другу, прося его прибыть въ Кесарію и сообщая о своей болѣзни. Григорій Богословъ немедленно отправился, но, узнавъ дорогой о смерти Евсевія и о томъ, что собираются епископы для избранія кесарійскаго экзарха, вернулся обратно домой. Но онъ и его отецъ, старецъ Григорій, епископъ назіанзскій, приняли всѣ мѣры, чтобы избрали Василія, какъ самаго достойнаго на занятіе кесарійской кафедры и какъ самаго способнаго для поднятія епископскаго званія, для защиты вѣры и Церкви. Чувствуя себя очень больнымъ, Григорій-отецъ, въ отвѣтъ на приглашеніе собравшихся епископовъ, написалъ сильное и убѣдительное письмо. «Я не могу,—писалъ онъ,—никого предпочесть честнѣйшему сыну моему, сопресвитеру Василію. Кого изъ извѣстныхъ намъ пайдемъ опытнѣе его въ жизни, сильнѣе словомъ? Кто больше его украситъ добродѣтелью? Укажите на болѣзнь (вѣроятно до Григорія уже дошли слухи по этому поводу)? Но въ комъ вы нуждаетесь: въ учителѣ-епископѣ или въ гладиаторѣ?» Мирянамъ Кесаріи старецъ Григорій также писалъ въ этомъ духѣ и указывалъ на Василія, перечисляя всѣ его достоинства. Не ограничиваясь этимъ, епископъ назіанзскій написалъ письмо епископу самосатскому Евсевію, дружески расположенному къ Василію. Евсевій немедленно прибылъ въ Кесарію. Однако, еще не хватало одного голоса, чтобы состоялось избраніе того, кто на дѣлѣ уже давно былъ епископомъ кесарійскимъ. Тогда столѣтній старецъ, несмотря на свой тяжелый недугъ, отправляется въ Кесарію. Его, едва дышащаго, приносятъ въ городъ, и онъ своимъ словомъ рѣшаетъ побѣду въ пользу Василія. И что-то непонятное совершается съ нимъ: онъ вдругъ укрѣпляется тѣлесно, оживаетъ духомъ, бодро защищаетъ истину, борется за благо Церкви и возводитъ на престолъ экзарха Кесаріи пресвитера Василія. Почти совсѣмъ здоровымъ возвращается онъ домой. И отецъ и сынъ были рады своей побѣдѣ, потому что они ратовали не изъ дружества къ Василію, а изъ дружества къ истинѣ, и доставили побѣду не своему другу, а другу истины. Они

праздновали побѣду православія, ликовали при видѣ того, что на престолъ экзарха возведенъ свѣтильникъ вѣры, избранникъ Божій. Григорій Богословъ писалъ Василию сейчасъ же по его избраніи: «Какъ скоро узналъ я, что ты возведенъ на высокій престолъ, Духъ побѣдилъ, свѣтильникъ и прежде не темно свѣтившій поставленъ на свѣщникъ и у всѣхъ на виду, — признаюсь, обрадовался этому». Старецъ Аѳанасій, епископъ александрійскій, великій боецъ за православіе, также выразилъ сильную радость по поводу избранія Василія, «достойнаго мужа, котораго всякой церкви должно было желать себѣ въ епископа».

Василій Великій покорился избранію, хотя онъ не ликовалъ, сознавая ту тяжесть, какую бралъ на свои рамена. Но онъ былъ готовъ положить животъ свой за дѣло вѣры и радовался, что не побѣдили враги православія. Онъ возложилъ все упованіе на Господа и принялся за исполненіе своего высокаго долга.

Положеніе кесарійскаго архіепископа было особенное. Кромѣ своей епархіи, онъ, на правахъ митрополита, управлялъ и епархіями всей Каппадокійской области, въ которой числились слѣдующія епархіи: Оермская, Нисская, Тіанская, Кивистрекая, Назіанзская, Колонійская, Парнаска, Доарская. Сверхъ сего, въ качествѣ экзарха сѣверо-восточной половины Малой Азіи, онъ завѣдывалъ многими другими областями, такъ что отъ него зависѣли Галатія, Понть, Малая Арменія, и даже въ Великой Арменіи онъ рукополагалъ первенствующаго епископа. Управление столь многими епархіями требовало усиленнаго труда, было сопряжено съ большими заботами, а для Василія и съ немалыми несприятностями, такъ какъ многіе епископы были расположены къ нему враждебно. Ему предстояло заботиться о своей паствѣ, укрѣплять ослабѣвшихъ въ вѣрѣ, наблюдать благочиненіе и отражать нападенія немалочисленныхъ враговъ. Всегда готовый помочь другимъ, Василій не чуждался и самъ совѣтовъ, — не чувствуя въ этомъ униженія, а видя одну пользу. Не хотѣлъ онъ и жить во враждѣ съ кѣмъ-либо и потому приложилъ все стараніе, чтобы водворить миръ въ экзархатѣ и склонить на свою сторону враждебно расположенныхъ епископовъ.

И онъ достигъ этого, но не заискиваніемъ, а уговорами, любовью, — тѣмъ, что самъ съ христіанской мягкостью пошелъ навстрѣчу примиренія. Не могли люди, сколько-нибудь добросовѣтные, не оцѣнить его ума, мудраго управленія, доброй обходительности и чистой подвижнической жизни... Уже архіепископъ и экзархъ, онъ жилъ какъ простой монахъ. «Онъ поддерживалъ жизнь самымъ необходимымъ и зналъ одну роскошь—не имѣть никакой роскоши. У него былъ одинъ хитонъ, одна верхняя ветхая риза; сонъ на голой землѣ, бдѣніе. И наружный видъ его соответствовалъ такой монашеской жизни. Станомъ онъ былъ прямъ, носъ имѣлъ прямой, волосы съ просѣдью, бороду длинную и съ сѣдинами. Суровый по виду, всегда сосредоточенный, онъ былъ привѣтливъ и въ кругу друзей назидательно шутливъ». Исполдволь онъ привлечь всѣхъ къ себѣ, и общая вражда смѣнилась уваженіемъ и любовью.

Успокоившись, Василій принялся за «домостроительство»; онъ устремилъ свое вниманіе на искорененіе всѣхъ тѣхъ недостатковъ въ средѣ духовенства, какіе давно уже вредно отзывались на церковномъ бытѣ. Нѣкоторые епископы брали деньги съ рукополагаемыхъ и оправдывались тѣмъ, что брали деньги уже послѣ посвященія. Василій возсталъ противъ этого и угрожалъ ослушникамъ отлученіемъ. При этомъ онъ писалъ, что оправданіе епископовъ не имѣетъ значенія. «Когда ни взять—все значитъ взять. Умоляю, оставьте этотъ доходъ, и, оскверняя руки такими дарами, не дѣлайте себя недостойными совершать святыя таинства. Если кто послѣ этого моего писема сдѣластъ что-либо подобное, то да удалится отъ здѣшнихъ алтарей и ищетъ себѣ мѣсто тамъ, гдѣ, покушая даръ Божій, можетъ перепродавать его».

Существовалъ еще и другой безпорядокъ. Пресвитеры изъ дружбы, по родству или ради денегъ укрывали многихъ отъ военной службы, причисляя къ церковнымъ служителямъ подлежащихъ призыву. Часто недостойные люди возводились и въ пресвитеры, которые ставились изъ церковныхъ служителей. Не оставилъ безъ вниманія Василій и этого зла, хорошо понимая, какъ губительно можетъ отозваться на Церкви такой обычай. Онъ съ

грустью писать въ окружающемъ посланіи хорепископамъ, т.-е. лицамъ, назидавшимъ за сельскимъ духовенствомъ: «Боюсь, чтобы съ возрастающею холодною и дѣла Церкви не пришли въ замѣшательство. Прежде принимали церковныхъ служителей не иначе, какъ по строгомъ испытаніи, и доносили обо всемъ епископу. А нынѣ не принимаете труда доносить мнѣ, позволяете діаконамъ и пресвитерамъ вводить въ Церковь людей недостойныхъ. Поэтому въ селеніяхъ много считается служителей, и нѣтъ ни одного достойнаго служителя алтаря».

Василій возобновилъ прежній порядокъ и приказалъ хорепископамъ доставлять ему списки всѣхъ сельскихъ причетниковъ съ отмѣткой объ ихъ поведеніи; кромѣ того, онъ велѣлъ подвергнуть испытанію и нѣкоторыхъ поставленныхъ и провѣрить ихъ жизнь, чтобы недостойныхъ исключить изъ церковнослужителей. На будущее время онъ постановилъ: избранныхъ изъ мірянъ не причислять къ клиру безъ утвержденія архіепископа.

Своимъ рвеніемъ и заботами о нравственности духовенства Василій добился того, что его епархія сдѣлалась образцовой, и другіе города и области просили его пресвитеровъ для своихъ церквей. Многіе изъ этихъ пресвитеровъ возведены даже въ епископы.

Но заботясь о духовенствѣ, добрый пастырь всегда зорко слѣдилъ и за нравственностью паствы, для пользы которой онъ и старался поднять духовенство. Онъ не могъ безразлично относиться къ тому, какъ живутъ его «овцы», какъ они ведутъ себя въ храмѣ. Онъ замѣчалъ, что многихъ утомляетъ длинное служеніе, а также и однообразное чтеніе псалмовъ. Сокративъ литургію, онъ ввелъ затѣмъ нѣкіе псалмовъ всѣми молящимися, чѣмъ придавъ особенную торжественность богослуженію и достигъ того, что народъ безъ утомленія проводилъ по нѣсколькимъ часамъ въ храмѣ.

Василій Великій «любилъ красоту церковную, благолѣпіе храма, гармонию въ богослуженіи» и это чувство внушилъ окружающимъ его. Онъ стоялъ предъ престоломъ Божиимъ—«пригвожденный къ Богу и престолу», весь уносился мыслью въ небеса. И вотъ «во время совершенія имъ

божественной литургіи — по освященіи даровъ — алтарь былъ осіяваемъ особымъ небеснымъ свѣтомъ, и самого великаго архіерея окружали нѣкіе свѣтоносные, въ бѣлыхъ одеждахъ, мужи, что служило яснымъ указаніемъ присутствія въ храмѣ Духа Святаго и сослуженія ангельскаго. Это видѣніе было ясно для многихъ благоговѣйныхъ клириковъ».

Полный рвенія въ дѣлѣ защиты православія, Василій Великій трудился неутомимо, несмотря на свое слабое здоровье. Устраивая порядокъ въ епархіяхъ, заботясь о благолѣпін богослуженій, печась о матеріальномъ положеніи пасомыхъ, расширяя благотворительность устройствомъ больницъ и пріютовъ, Василій не могъ спокойно относиться къ различнымъ ересямъ и продолжалъ борьбу съ аріанами и всѣми, кто уклонялся отъ истиннаго исповѣданія. Онъ переносилъ всевозможныя непріятности, забывая о себѣ и помня только одно — благо Церкви, которой угрожали разныя лжеученія. Борьба была нелегка, и опасности съ каждымъ днемъ все возрастали. Въ Визанніи и въ Галатіи православные терпѣли бѣдствія. Самъ экархъ кесарійскій могъ ожидать изгнанія или заточенія. Но онъ не падалъ духомъ и не прекращалъ борьбы съ врагами. Онъ готовился къ борьбѣ еще болѣе грозной и старался окружить себя людьми, которые могли бы быть ему помощниками въ этой борьбѣ. Съ этою цѣлью онъ посвятилъ своего брата Григорія въ епископы города Ниссы.

Чтобы сломить ересь аріанства, Василій писалъ письма не только къ епископамъ восточнымъ, приглашая ихъ соединиться въ борьбѣ за вѣру, но обращался съ воззваніями и къ западнымъ, описывая ужасное положеніе христіанъ на Востокѣ. «Тропаетесь нашими бѣдствіями, — писалъ онъ: — дѣло идетъ не объ одной церкви или двухъ: бури свирѣпствуютъ отъ предѣловъ Иллиріи до пустыни Оиваиды. Извращены догматы, искажены уставы; пастыри предають стадо Христово. Этому смѣются невѣрующіе, колеблются маловѣрные. Умолкли уста благочестивыхъ, развязанъ языкъ хульный, осквернено святилище. Здравомыслящіе убѣгаютъ домовъ молитвенныхъ, какъ училищъ нечестія, и въ пустыняхъ со стenanіями воздѣвають руки къ Господу».

Это посланіе, кромѣ Василія, подписали 32 епископа. Западныя епископы сочувственно встрѣтили посланіе, но не оказали надлежащей помощи.

Въ то время, какъ онъ былъ въ Ниссахъ для посвященія Григорія, до него дошло извѣстіе о гражданскомъ раздѣленіи Каппадокіи на двѣ области. Это раздѣленіе умаляло значеніе Кесаріи, число жителей которой значительно уменьшилось, потому что многіе перѣехали въ Тіану, ставшую главнымъ городомъ новой области. Но не только въ этомъ отношеніи раздѣленіе вредно отозвалось на Кесаріи,—раздѣленіе гражданское повлекло за собою и раздѣленіе митрополіи.

Епископъ тіанскій—Анѣимъ—замыслилъ отдѣлиться отъ кесарійскаго архіепископства и образовать особый округъ. Онъ пожелалъ едѣлаться отдѣльнымъ митрополитомъ. Василій требовалъ, чтобы древній порядокъ управленія остался неизмѣннымъ, но Анѣиму удалось одержать побѣду, благодаря несогласію прочихъ епископовъ и тому, что Василій, боясь распрей и заботясь болѣе всего о мирѣ, уступилъ незаконнымъ требованіямъ противника.

На границѣ двухъ митрополій лежалъ маленькій городокъ Сосимы. Увеличивая число епископовъ, Василій назначилъ въ этотъ городокъ епископомъ своего друга Григорія, какъ человѣка самаго надежнаго; именно въ этомъ мѣстѣ нужно было Василію имѣть епископа, способнаго оказать ему необходимую поддержку. На Григорія онъ могъ вполне положиться и, ставя благо Церкви выше всего, онъ пожертвовалъ дружбою. «Я желалъ бы,—писалъ Василій,—своему собрату Григорію предоставить управленіе такою церковью, которая подходила бы къ его характеру. Но это значило бы всю Церковь подъ солнцемъ собрать воедино. Такъ какъ это невозможно, то пусть онъ будетъ епископомъ, который придастъ значеніе своей кафедрѣ, а не человѣкомъ, который получаетъ отъ нея свое достоинство». Огорченный сначала своимъ назначеніемъ, Григорій скоро понялъ, что поступокъ друга объясняется только ревностю о Церкви и успокоился. Впрочемъ, Григорію не пришлось и быть въ Сосимахъ, потому что Анѣимъ грозилъ не пустить его и прогнать изъ города вооружен-

ною епитой. Ревнуя о мирѣ, святитель и здѣсь уступилъ, говоря въ своемъ письмѣ къ тианскому сенату: «молюсь о томъ, чтобы пребывать въ мирѣ въ теченіе остальныхъ дней моей жизни и чтобы отойти къ моему послѣднему покою въ мирѣ». Послѣ этого между обоими митрополитами состоялось примиреніе, и хотя Аѳѣимъ еще не разъ нарушилъ его, посвящая тѣхъ, кому Василиіи отказывалъ въ рукоположеніи, но святитель кесарійскій не поднималъ уже спора, чтобы въ Аѳѣимѣ имѣть не врага, а соратника въ общей борьбѣ съ ересеями.

ХІІ.

Восточный императоръ, Валентъ, былъ ярый аріаншнъ. При этомъ онъ былъ низокъ, жестокъ, хотя и не заслуживалъ названія «кровожаднаго». Насадивъ аріанство въ Галатіи и Внѣніи, Валентъ двинулся въ Каппадокію, чтобы и тамъ сломить упорство православныхъ. Но при подавленіи православія въ Кесаріи пужно было считаться съ ея архіепископомъ, который признавался справедливо оплотомъ православія. При дворѣ у Василія было не мало враговъ, которые уже давно подстрекали императора дѣйствовать рѣшительно по отношенію къ Василію. Намѣреваясь отправиться въ Кесарію, Валентъ прежде себя послалъ своего префекта-любимца, Модеста, которому поручилъ склонить архіепископа къ уступкамъ.

Для характеристики Модеста надо сказать, что при императорѣ Юліанѣ онъ былъ язычникомъ и приносилъ жертвы идоламъ, а при Валентѣ сдѣлался христіаниномъ и горячимъ сторонникомъ аріанскаго лжеученія*). Модестъ прибылъ въ Кесарію, окруженный аріанскими епископами. Друзья Василія совѣтовали ему бѣжать. Но это было не въ характерѣ святителя, и онъ остался мужественно ожи-

*) Онъ былъ всегда вѣрнымъ исполнителемъ императорскихъ повелѣній. Когда Валентъ приказалъ убить 80 духовныхъ лицъ явившихся къ нему въ роли депутатовъ, Модестъ посадилъ ихъ на корабль и велѣлъ матросамъ, выйдя въ море, зажечь корабль. Сами матросы едва спаслись на лодкахъ.

дая опасности. Какъ могъ бѣжать онъ, уподобляясь жалкому наемнику, когда благо Церкви онъ считалъ выше и дороже своей жизни? Въ праздникъ мученика Евсеихіа, пострадавшаго отъ Юліана, Василій спокойно совершалъ литургію и говоритъ свое поученіе, хотя въ храмѣ было много прибывшихъ арианскихъ епископовъ, съ которыми архіепископъ не захотѣлъ имѣть общенія.

Полный высокомерія, доходящаго до наглости, Модестъ потребовалъ къ себѣ архіепископа.

— Василій! — грубо произнесъ онъ, не удостоивъ его обращенія, какое ему слѣдовало по его сану и титулу, — что ты хочешь показать, дерзко противясь власти и такъ смѣло борясь одинъ противъ нея?

— Какое упрямство обнаружилъ я? — спокойно спросилъ святитель.

— Все другіе смирились и только ты одинъ отказываешься отъ принятія религіи императора, — сказала Модестъ.

— Не такова воля моего Царя, — отвѣчаль архіепископъ: — не могу поклоняться твари, ибо я самъ Божье твореніе.

— Какъ же ты о насъ думаешь? — спросилъ префектъ. — Мы по-твоему ничто?

— Ты префектъ, но ты не долженъ быть почитаемъ болѣе Бога, — произнесъ Василій.

Модестъ пришелъ въ ярость.

— Такъ ты не боишься власти? — закричаль онъ.

— Что мнѣ ее бояться? Что ты можешь сдѣлать со мною? — кротко и спокойно произнесъ снова архіепископъ.

— Да все, что находится въ моей волѣ!

— А напимѣръ? — задалъ вопросъ Василій.

— Отниму все твои имѣнія, пошлю тебя въ изгнаніе, предамъ пыткѣ, даже смерти! — устрашающимъ тономъ произнесъ начальникъ.

— И это все? — невозмутимо освѣдомился Василій. — Но ничто это меня не устрашаетъ. Тотъ, у кого ничего нѣтъ, не боится конфискаціи. Или ты пожелаешь отобрать мою заношенную одежду и тѣ книги, въ которыхъ все мое имущество? Грозишь изгнаніемъ? Я не понимаю его. Я не

связанъ ни съ какимъ мѣстомъ. Та земля, на которой я теперь обитаю,—не моя, и всякая земля, на какую буду я заброшенъ, не моя, а Божья, и на ней я странникъ. Пытки? Я такъ слабъ, что ты не имѣешь въ своей власти болѣе одного удара. Какой пытѣй ты предашь меня? А что касается смерти, то она благодѣяніе, потому что она приведетъ меня къ Богу, для Котораго живу и Которому я служу и къ Которому поспѣшаю.

— До сихъ поръ никто такъ не говорилъ со мной,—воскликнулъ изумленный префектъ.

— Можетъ быть,—замѣтилъ Василій,—ты никогда раньше не встрѣчалъ епископа, иначе онъ несомнѣнно сталъ бы говорить именно такъ, ведя споръ о вѣрѣ. Во всѣхъ другихъ дѣлахъ,—прибавилъ святитель,—мы смиренны и не относимся заносчиво ни къ низкому родомъ, ни къ знатному. Но въ дѣлѣ вѣры мы знаемъ только Его, нашего Господа, и въ этомъ случаѣ—огонь, мечъ, звѣрь, дикій и желѣзные гвозди, которыми раздираютъ плоть, для насъ не страхъ, а радость. Посему угрожай, оскорбляй, дѣлай все, что хочешь и можешь. Пусть и императоръ услышитъ объ этомъ. Ничѣмъ не склонюшь меня соединиться съ нечестіемъ.

— Но ты не забывай,—произнесъ Модестъ уже ласково: —императоръ хочетъ соединиться съ твоей паствой. Онъ хочетъ многогаго: исключить изъ символа вѣры слово «единосущный».

— Цѣлю желаніе императора соединиться съ Церковью,—отвѣчалъ Василій,—ибо важно спасеніе души, но ни одного слова убавить или измѣнить, даже переименовать порядокъ въ символѣ не соглашусь.

— Подумай!—предостерегая, сказалъ Модестъ.

— Я и нынѣ и завтра такой же!—отвѣчалъ архіепископъ.

Модестъ былъ пораженъ. Опытный въ распознаваніи людей, онъ понялъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, а также то, что опасно употреблять насиліе надъ такимъ человѣкомъ.

Онъ выбылъ изъ Кесаріи и, явившись къ Валенту, доложилъ ему: «Государь, мы побѣждены епископомъ кесарійскимъ. Онъ выше угрозъ, твердъ для доводовъ, силенъ

для убѣжденій. Ничѣмъ не сломить его, развѣ открытой силой можно заставить его склониться. Надо поискать чело-
вѣка болѣе сговорчиваго, менѣе благороднаго».

Валентъ не согласился отступиться и самъ отправился въ Кесарію. Враги Василія снова совѣтовали Валенту дѣй-
ствовать прямо силой, но онъ не принялъ ихъ совѣтовъ и захотѣлъ лично переговорить съ Василиємъ.

Въ праздникъ Божоявленія императоръ, въ сопровожде-
ніи тѣлохранителей, вошелъ въ храмъ. Богослуженіе уже
началось. Императоръ сталъ среди молящихся, показывая
этимъ, что входитъ въ общеніе съ архіепископомъ. Цер-
ковь была полна народа. «Люди, какъ волны морскія,
тѣнились, налегая другъ на друга, но ничто не нару-
шало тишины. Неслось стройное праздничное пѣніе; за
престоломъ, обратясь лицомъ къ народу, стоялъ архі-
епископъ: онъ ни взглядомъ, ни знакомъ не показалъ, что
замѣчаетъ присутствіе императора. Высокій, стройный,
Василій стоялъ неподвижно во всемъ величій своего
архишастырскаго облаченія, съ посохомъ въ рукѣ. Глубо-
кій, пламенный взоръ его былъ устремленъ на престоль.
Вокругъ него, въ благоговѣйномъ порядкѣ, стояли пре-
витеры и діаконы, похожіе скорѣе на ангеловъ, чѣмъ
на людей. Красота святости наложила особый отпечатокъ
на всѣхъ служащихъ, и тихій свѣтъ благодати осѣнялъ
всѣхъ молящихся». Императоръ такъ былъ пораженъ
этимъ величавымъ зрѣлищемъ, что у него сдѣлалось го-
ловокруженіе. Опъ петвердой поступью прошелъ впередъ,
чтобы представить свой даръ, но никто изъ священниковъ
не хотѣлъ его принять, не зная, какъ встрѣтить это
архіепископъ. Императоръ пошатнулся и упалъ бы, если
бы одинъ изъ церковнослужителей не поддержалъ его.
Но Василій самъ принялъ приношеніе и послѣ обѣдни
имѣлъ долгую бесѣду съ Валентомъ, которому разрѣшили
войти за завѣсу святилища. Василій говорилъ съ такимъ
пламеннымъ воодушевленіемъ, что окружающіе слышали
«какъ бы не человѣческіе, а Божьи глаголы». Рѣчь Ва-
силія произвела потрясающее дѣйствіе на Валента; онъ
обѣщался прекратить гоненіе на православіе. Но это
было не крѣпкое рѣшеніе, которое вскорѣ же успѣли

поколебать искусные царедворцы. Они подвѣйствовали на ложное самолюбіе Валента и снова возстановили его противъ Василія. Въ припадкѣ гнѣва императоръ подписалъ даже бумагу объ изгнаніи и заточеніи святителя, но, изъ боязни народнаго возмущенія, приказалъ привести въ исполненіе приговоръ ночью предъ разсвѣтомъ. Неоткуда было ждать милости, и Василій, узнавши о приказѣ, приготовился въ дорогу. Друзья, окружавшіе архиепископа, съ тревогой и тоской ждали минуты, когда имъ придется расстаться съ тѣмъ, кто былъ не только отцомъ и другомъ для нихъ, но свѣточемъ для всей кесарійской церкви.

И вотъ является императорскій посланецъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ, кто тайно неповѣдывалъ православіе и виталъ въ душѣ добрыя чувства къ архіепископу. Появленіе такого гонца обрадовало друзей Василія, надѣявшихся хотя на то, что со святителемъ не будетъ поступлено черезчуръ жестоко. Но ихъ поразили слова гонца. Онъ объявилъ архіепископу, что императоръ обращается къ нему за помощью и проситъ его немедленно прибыть въ царскую квартиру.

— Съ наступленіемъ ночи, — сказалъ гонецъ, — заболѣлъ сынъ императора; врачи отказались отъ лѣченія, молитвы аріанскихъ епископовъ оказались безплодными, больному все хуже и хуже. Приди и помолись объ исцѣленіи отрока!

Василій Великій немедленно отправился къ царю, показывая этимъ, что ученики Христа не помнятъ зла.

Супруга императора видѣла сонъ, въ которомъ ей было кѣмъ-то сказано, что мальчикъ заболѣлъ за грѣхъ отца, оскорбившаго архіепископа кесарійскаго. Валентъ, горячо любившій своего единственнаго сына, съ трепетомъ ждалъ прихода Василія, уже не какъ царь, подписавшій приказъ объ изгнаніи, а какъ скорбящій отецъ, ждущій милости отъ пастыря.

Василій успокоилъ императора, сказавъ: «отрокъ поправится, если только будетъ крещенъ православнымъ священникомъ и станетъ воспитываться въ духѣ православія». Валентъ обѣщаль исполнить это. Василій вознесъ горячую молитву къ Богу — и отрокъ выздоровѣлъ, къ удивленію всѣхъ врачей. Обрадованный императоръ отъ-

пять свой указъ относительно Василія, пожертвовать некоторую сумму денегъ на больницы и пріюты, учрежденные имъ, и оставить въ покоѣ кесарійскую церковь.

Вскорѣ послѣ этого благостный архіепископъ отплатить добромъ надменному префекту Модесту, который грозилъ пытками и смертью служителю Христа. Модестъ опасно заболѣлъ. Мучимый недугомъ, онъ обратился къ Василію, прося его молитвъ. И снова молитва подвижника была услышана Богомъ: Модестъ быстро оправился. Гордый царедворецъ проникся уваженіемъ и благодарностью къ святителю и нѣсколько разъ съ поспѣшностью исполнять его просьбы, оказывая поддержку духовенству, милость провинившимся и помощь пуждавшимся.

Валентъ не сдержалъ обѣщанія: его сынъ Галатъ былъ крещенъ аріанскимъ священникомъ. Ребенокъ умеръ. Тогда Валентъ снова рѣшилъ изгнать Василія, но не могъ подписать указа. Три раза перо ломалось въ его рукѣ, не написавши ни одного знака на бумагѣ. Валентъ увидѣлъ въ этомъ руку Промысла и уже не осмѣлился болѣе покушаться на личность праведнаго архіепископа.

XIII.

Успокоившись отъ преслѣдованій, Василій принялся опять за свои дѣла по управленію епархіей. Расширяя свои благотворительныя учрежденія, устраивая новыя больницы и пріюты для прокаженныхъ, онъ зачалъ также строить великолѣпную церковь и домъ для духовенства. Но огорченія и теперь продолжали омрачать его жизнь. Тяжело было услышать ему о смерти Аонасія александрійскаго, потерять друга и защитника Григорія, епископа назіанзскаго, отца Григорія Богослова; великою скорбью отозвалась въ его сердцѣ вѣсть объ изгнаніи и заточеніи друга Евсевія, епископа самосатскаго. А въ то же время ему пришлось еще разъ вынести оскорбленіе отъ намѣстника, гордаго своимъ родствомъ съ императорскимъ домомъ и не расположеннаго къ православному пастырю. Дѣло произошло такъ.

Одна женщина неопускемой красоты, лишась мужа, рѣшила навсегда остаться вдовой и посвятить себя на служеніе Богу. Но она поправилась пріятелю намѣтника. На предложеніе выйти замужъ она отвѣтила отказомъ. Пріятель намѣтника началъ преслѣдовать ее. Она прибѣгла къ покровительству архіепископа. Онъ принялъ ее подъ защиту, и онашла убожище въ святилищѣ церкви. Намѣтникъ, желая помочь пріятелю, потребовалъ отъ Василія выдачи укрывшейся вдовы. Василій отвѣтилъ отказомъ намѣтнику, заявляя о ненарушимости святилища. Тогда намѣтникъ потребовалъ архіепископа къ себѣ и сталъ угрожать ему: «Я вырву твою печень!»—закричалъ онъ.— Вырывай!—отвѣтилъ спокойно Василій.

Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилось это, если бы на вырчку своего архіастанья не поспѣшилъ народъ. Между архіепископомъ и паствою была крѣпкая сердечная связь. Онъ жилъ горемъ и радостями «дѣтей своихъ», не только служилъ въ храмѣ, но и всю жизнь свою, все заботы посвящая тѣмъ, пасти кого онъ былъ поставленъ Богомъ. И эти «дѣти», часто печалившіе его, иногда и роптавшіе на него несправедливо, любили его горячо, понимали его любовь къ себѣ и не могли остаться равнодушными, когда ему угрожала опасность и даже смерть. Народъ въ гнѣвѣ поднялся на его защиту и бросился къ дому намѣтника. Только мягкосердіе и заступничество Василія спасли намѣтника отъ ярости народа, который хотѣлъ растерзать императорскаго родственника. Испуганный начальникъ уже не смѣлъ болѣе тревожить архіепископа и помогать пріятелю. Вдова удалилась въ монастырь къ сестрѣ Василія, Макринѣ, и тамъ никто не беспокоилъ ея.

Все эти огорченія въ соединеніи съ трудами и разбѣздами сильно вредили здоровью Василія. Онъ часто болѣлъ, и силы его истощались. Однако онъ не падалъ духомъ и продолжалъ свое дѣло, укрѣпленный благодатью Божіей, утѣшаемый письмами и посѣщеніями друзей и всѣхъ тѣхъ, кто любилъ его, какъ защитника Церкви Христовой. Большую отраду принесло Василію посѣщеніе Ефрема Сирина. Евремъ Сириинъ бесѣдовалъ съ Василіемъ черезъ переводчика по пезнацію греческаго языка.

Это огорчило благочестиваго діакона, и онъ, скорбя о томъ, что не можетъ прямо говорить съ Василіемъ, и вѣря въ его духовную мощь и силу предъ Господомъ, сказалъ великому архипастырю:

— Помолись, да дастъ мнѣ Господь даръ говорить по-гречески.

— Ты многого просишь отъ меня, немощнаго,—отвѣтилъ Василій,—но благъ и всемогущъ Господь... Помолимся и дерзаю уповать, что Онъ по вѣрѣ твоей исполнитъ твое желаніе.

Такъ и случилось: Ефремъ Сиригъ получилъ даръ говорить по-гречески и долго бесѣдовалъ съ Василіемъ на этомъ языкѣ.

Около этого же времени Василій Великій получилъ дружеское посланіе отъ Асхолія, епископа солунскаго, который прислалъ при этомъ мощи св. Саввы Готѣскаго, замученнаго своими соотечественниками.

Но самую большую радость испыталъ Василій тогда, когда послѣ смерти Валента, въ 378 году, были возвращены изъ ссылки многіе православные епископы, въ числѣ ихъ Евсевій самосатскій и Мелетій, искренніе друзья кесарійскаго пастыря и борцы за истину.

Господство аріанъ кончилось. Новый императоръ явился защитникомъ православія и издалъ строгіе указы противъ еретиковъ, воспретивъ имъ собранія въ городахъ и внѣ городовъ.

Православные вздохнули свободно. Василій, выражаясь словами Григорія Богослова,—«подаеть руку и духъ на рукоположеніе истинныхъ служителей, чтобы алтарь не былъ лишень его учениковъ и помощниковъ въ священствѣ»,—но уже почти мертвый, бездыханный.

Великій архипастырь уже стоялъ на краю могилы. Одна болѣзнь смѣняла другую. Труды и скорби окончательно подточили слабыя силы, и организмъ не могъ бороться съ недугами. Василій, заболѣвъ тяжело, слегъ въ постель, и лѣчившій его врачъ, еврей, никогда не ошибавшійся въ опредѣленіяхъ, объявилъ о безнадежномъ положеніи больного.

— Когда же я умру?—спокойно спросилъ Василій.

— Не доживешь и до вечера,—объявилъ врачъ.

— А если я проживу и до завтра? Что тогда?—спросилъ опять святитель.

— Не можетъ этого быть!—отвѣчалъ еврей.— Но если доживешь, то я тогда повѣрю чуду и исполню твое желаніе, о которомъ ты часто говорилъ мнѣ: я крещусь!

Василій обратился съ пламенной молитвой къ Богу. Настало утро. Приходятъ къ еврею и зовутъ къ архіепископу.

— Развѣ онъ живъ?

— Да, и зоветъ тебя.

Еврей не повѣрилъ и поспѣшилъ къ Василию.

— Вотъ, видишь,—сказалъ архіепископъ:—я не умру.

— Великъ Богъ христіанскій!—воскликнулъ еврей и добавилъ:—владыка, повели меня и всю мою семью крестить.

— Я самъ совершу это,—отвѣчалъ больной святитель.

Онъ поднялся съ постели, пошелъ въ церковь, совершилъ таинство, приобщивъ новокрещенныхъ, и вернулся въ свой домъ.

Въ этотъ же день, на 50-мъ году жизни, онъ опочилъ, произнеся послѣднія слова: «въ рудѣ Твои предаю духъ мой».

Стонъ и плачь поднялся во всемъ городѣ и во всей епархіи, когда узнала о смерти Василя Великаго его осиротѣвшая паства. Всѣ почувствовали, кого они лишились, и всѣ соединились въ дружномъ горѣ по своему отцѣ, наставникѣ, защитникѣ и благодѣтелѣ. При выносѣ его тѣла,—говоритъ Григорій Богословъ,—каждый заботился о томъ, чтобы взяться за воскрылія ризъ его, или за сѣнь, или за одръ, или коснуться только его тѣла, или даже идти подлѣ несущихъ его останки. Наполнены были торжища, переходы, всѣ жилища; тысячи народа всякаго возраста, пола и состоянія провожали усопшаго.

Даже язычники и евреи раздѣляли скорбь осиротѣвшей паствы.

Св. Григорій Богословъ по болѣзни не могъ быть при умирающемъ другѣ и на его погребеніи. Но спустя нѣкоторое время онъ прибылъ въ Кесарію и, оплакивая смерть друга, почтилъ его «надгробнымъ словомъ», которое можетъ считаться образцомъ высокаго краснорѣчія. Заключивая свою рѣчь, Григорій Богословъ восклицаетъ: «И это тебѣ, Василій, отъ меня, голосъ котораго для тебя

былъ нѣкогда пріятель. Если оно близко къ достоинству, то это твой даръ. Если же оно далеко отъ достоинства, то могъ ли я что сдѣлать лучше, сокрушенный болѣзною и печалью о тебѣ!»

Невыразимую скорбь вызвала смерть Василя въ братьяхъ и сестрѣ Макринѣ, которая была съ нимъ связана узами глубокой любви. Но Макрина не долго пережила своего брата. Въ концѣ того же 379 года Григорій нисскій пашель ее уже на смертномъ одрѣ. Она томилась въ горячкѣ, осложненной астмой. Григорій засталъ Макрину лежащею въ своей кельѣ, на доскѣ, покрытой власяницей; вмѣсто подушки служила подвижницѣ тоже доска. Поднимая слабыя руки, Макрина благодарила Бога за свиданіе съ братомъ и, чтобы не огорчать его, старалась скрыть затруднительность дыханія и обращалась къ нему съ веселымъ лицомъ. Она утѣшала Григорія, плакавшего о братѣ, и бесѣдовала о загробной жизни, о безсмертіи. Когда Григорій вторично посѣтилъ больную сестру, она начала говорить о родителяхъ, «и выразила благодарность Богу за то, что она всегда жила трудами своихъ рукъ, никогда ни отъ кого не зависѣла и могла никому не отказывать въ просьбѣ. Затѣмъ она упрекнула ласково Григорія за то, что онъ не считалъ посылаемыхъ ему испытаній за особую милость Божью. На закатѣ солнца Макрина излила послѣднюю молитву. Она сдѣлала знаменіе креста на своихъ глазахъ, устахъ, сердцѣ, и когда у нея не стало болѣе дыханія, она движеніемъ рукъ и устъ показывала, что еще занята безмолвной молитвой. Когда были принесены свѣчи, она открыла глаза, еще разъ положила знаменіе креста на чело, испустила вздохъ и отошла въ вѣчность». Инокиси, сдерживавшія свой плачь изъ глубокаго почтенія къ настоятельница, теперь огласили воздухъ громкими рыданіями.

Такъ кончила свое земное странствованіе святая подвижница, достойная своего великаго брата, которому она была другомъ и добрымъ совѣтникомъ.

И ея жизнь поучительна, и ея смерть назидательна.

Она не обладала ученостью, не была тѣмъ свѣтомъ, какимъ являлся всему міру ея братъ, но, родственная

ему по духу, она была свѣтомъ для окружавшихъ ее, образцомъ для видѣвшихъ ее и той вѣрной певѣстой Христовой, которая удостоилась по представленіи благого стнаго привѣтствія своего небеснаго Жениха: «вниди въ радость Господа твоего!»

XIV.

Я кончилъ разсказъ о жизни и дѣятельности Великаго Святителя, учителя Церкви Вселенской, про котораго сказано: «онъ око вселенной, звучный гласъ, палата учености». И Церковь, восхваляя его, поетъ: «во всю землю изыде вѣщаніе твое!» Собирая черту за чертою изъ его жизни, я старался только объ одномъ—возсоздать предъ читателемъ, насколько возможно, во всей духовной красотѣ, во всемъ духовномъ величїи образъ вселенскаго учителя, почтеннаго и Церковью наименованія Великаго. Не могъ я показать даже и приблизительно его учености, его мудрости, которой дивились мудрые, того краснорѣчїя, которое восхицало краснорѣчивыхъ; я только коснулся тѣхъ толкованій св. писанія, которыя проливаютъ свѣтъ на пониманіе Библии, и того боговдохновеннаго ученія, которое освящено постановленіями Втораго Вселенскаго Собора (ученіе о Св. Духѣ). Но какъ бы ни было блѣдно мое изображеніе жизни Великаго архіерея, какъ бы ни была слабо представлена мною его дѣятельность, все же мой разсказъ долженъ вызвать въ читателѣ и удивленіе и благоговѣніе къ личности архимастыря, право правившаго и охранявшаго до забвенія себя вѣренное ему словесное стадо отъ нападавшихъ волковъ. Предъ глазами читателя постепенно развертывалась лѣтопись жизни Святителя, — жизни, полной труда, любви, заботъ, освященной подвигами отшельничества, украшенной смѣлостью исповѣднической, обильной чудотвореніями. Станетъ понятно каждому, почему Василій Великій такъ почтенъ Церковью, прославленъ всѣми отцами-учителями, такъ былъ любимъ паствою, такъ почитаемъ святымъ другомъ, Григоріемъ Богословомъ. Вдумайтесь только: Василій Великій былъ, такъ сказать, центромъ

для всѣхъ пастырей восточныхъ, отважно, до готовности умереть за вѣру, боролся съ аріанствомъ и другими ересями; онъ первый учредилъ монастыри общежительные, какъ очаги благочестія и школы назидательности, далъ правила и уставы монастырскіе, признаваемые и доселѣ; онъ горѣлъ какъ свѣча предъ своей паствой и явилъ міру образецъ пастыря, заботливаго о душахъ дѣтей своихъ и участливаго къ ихъ тѣлеснымъ нуждамъ. Онъ на престолѣ митрополичьемъ былъ самымъ строгимъ подвижникомъ; онъ въ санѣ экзарха былъ нищъ и бѣденъ, какъ послѣдній монахъ. Онъ обладалъ высокой ученостью и всѣ свои знанія употреблялъ для защиты вѣры. Онъ поучалъ паству и пастырей. Онъ былъ боговдохновеннымъ художникомъ слова. Его письма — не простая дружеская переписка, а настоянціе богословскіе трактаты, полныя драгоценной назидательности. Счастливы тѣ, которые зрѣли его и изъ устъ его слышали слово наставленія, но и мы всѣ не обижены. Смолкли уста наставника, но письменна сохранили его слова, и народы всей вселенной могутъ поучаться и утолять свою духовную жажду изъ чуднаго источника — изъ твореній «отца Церкви» — Василия Великаго.

Разсказавъ жизнь его и отмѣтивъ его творенія, какъ «кладезь христіанской мудрости», я нахожу самымъ лучшимъ закончить мое повѣствованіе похвальнымъ словомъ, которое посвятилъ памяти Василия Великаго еп. иконійскій, св. Амфилохій, сдѣлавшій яркую характеристику святителя. Эта характеристика приближается къ поэтическому гимну въ честь іерарха, который всей жизнью подражалъ Божественному Іерарху — Іисусу Христу.

«Великій Василій, — говоритъ еп. Амфилохій, — великій архіерей, прошедшій небеса не тѣломъ, а созерцаніемъ и духомъ. Василій — ярко горящій свѣтильникъ Церкви, осіявающій всю землю лучами богословія, неподражаемый по дѣламъ, совершенный по разуму, жизни и добродѣтелямъ, премудрый по наукамъ божественнымъ и человѣческимъ. Василій — величественный столпъ Церкви Божіей, красота іерархін, истинный чловѣкъ Бога Отца, пламенный благовѣстникъ Единороднаго Сына, вѣрный домоправитель Св. Духа, сокровищница познанія, училище благо-

честія, истолкователь вѣры, незыблемая твердыня крѣпости Христовой».

Что можно прибавить къ этимъ словамъ пламеннаго вдохновснiя?

Остается только вмѣстѣ съ Григоріемъ Богословомъ воскликнуть, обращаясь къ Святителю, предстоящему у престола Вседержителя: «Призри на насъ свыше, и направь нашу жизнь къ полезнѣйшему!» *).

Москва,
1899 г., 8 апрѣля.

---

*) Память св. Василія празднуется 1-го января, въ день Обрѣзанiя Господня. На всенощной читаются 2 паремiя въ честь праздника и 1 въ честь Василія Великаго о высокомъ совершенствѣ праведныхъ и о благѣ отъ нихъ для ближнихъ. На литургiи 1-го января чтенiемъ Апостола въ честь Вселенскаго святителя Церковь возвѣщаетъ о совершеннѣйшемъ архiereѣ—Сынѣ Божіемъ, Которому Св. Василій подражалъ; чтенiемъ Евангелiя благовѣствуетъ ученiе Иисуса Христа о блаженствѣ нищихъ духомъ, алчущихъ и жаждущихъ правды, и гонимыхъ за вѣру Христову—къ каковымъ относить и св. Василія Великаго.

Источники и пособия при составленіи очерка.

- 1) Творенія св. Григорія Богослова.
  - 2) Творенія и письма Василія Великаго.
  - 3) Исторія православной Церкви до начала раздѣленія церквей. 1895 г.
  - 4) Житія святыхъ, чтимыхъ православной Церковью. Составилъ преосвящ. Филаретъ (Гумилевскій).
  - 5) Жизнь и труды св. отцовъ и учителей Церкви. Очерки церковной исторіи въ біографіяхъ. Ф. Фаррара, пер. А. П. Лопухина.
  - 6) Императоръ Юліанъ и его отношеніе къ христіанству. Я. Алфіонова.
  - 7) Жизнь св. Василія Великаго, арх. кесарійск. Спб., 1845 г. (безъ обозн. автора).
  - 8) Разказы изъ исторіи христіанской Церкви.
  - 9) Св. Василій Великій, арх. Кесаріи Каппадокійской. 1860 г.
  - 10) Житія святыхъ Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоустаго. Прот. Дебольскаго.
  - 11) Основы истинной науки. Т. I. Богъ неопровержимъ наукой. Н. А. Карышева.
  - 12) Жизнь св. Василія Великаго, архіеп. Кесаріи Каппадокійской, и его паст. дѣятельность. Архимандрита Агапита.
-

**Издательство православной
богословской литературы
“АКСИОН ЭСТИН”
(Санкт-Петербург)**

Книги издательства “Аксион эстин” — это православные исследования, удачно сочетающие высокий научно-академический уровень и доступную форму изложения. Они будут интересны и полезны преподавателям и студентам богословских и гуманитарных ВУЗов, православных духовных академий и семинарий, всем верующим, желающим лучше понять христианское вероучение.

Посетите наш сайт в интернете по адресу:

www.axion.org.ru

На сайте:

- подробная информация о новоизданных книгах;
- возможность бесплатной загрузки большого количества электронных книг по богословию, библиистике, патрологии, которые легко читать на компьютере или распечатать на принтере;
- возможность заказать книги для доставки по почте (в том числе и электронные книги, которые высылаются на компакт-дисках).

Ваши вопросы и пожелания направляйте, пожалуйста, по электронной почте: **info@axion.org.ru**